

ВОЙНА

И МИР

В ТВИТТЕРЕ

18+

ОДНА
ИЗ ЛУЧШИХ
МОЛОДЕЖНЫХ
КНИГ 2020
ПО ВЕРСИИ
AMAZON

ЭММА ЛОРД

Молодежный романтический бестселлер

Эмма Лорд

Война и мир в твиттере

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лорд Э.

Война и мир в твиттере / Э. Лорд — «Издательство АСТ»,
2020 — (Молодежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-271-48590-9

Их любовь – рецепт настоящей катастрофы. Знакомьтесь с Пеппер. Она – капитан команды по плаванию, любитель выполнить и перевыполнить любое задание, а также настоящий перфекционист. В ее семье все не так, как раньше, но, по крайней мере, их огромная сеть ресторанов быстрого питания мегапопулярна благодаря Пеппер, ведь она умудряется не только успевать в школе, но и вести аккаунт их бургерной в «Твиттере». А теперь позвольте представить вам Джека. Когда он не пытается выбраться из тени более успешного брата-близнеца, то работает в гастрономии своей семьи. Однажды известная бургерная крадет их семейный рецепт сырных тостов, и Джек понимает, что сделает все что угодно, чтобы отомстить. И сделает он это твит за твитом. Дело касается любви и сыра, а тут все средства хороши. Со временем перепалка «Высшей лиги бургеров» и «Маминых тостов» превращается в настоящую виртуальную войну. Но Пеппер и Джек даже не догадываются, что, ссорясь в сети, влюбляются друг в друга в реальной жизни. А пока интернет шипперит эту необычную парочку, они общаются в анонимном приложении, готовые погрузиться в неожиданный, неловкий и самый лучший роман в своей жизни.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-271-48590-9

© Лорд Э., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	7
Пеппер	7
Джек	15
Джек	19
Джек	23
Пеппер	27
Пеппер	31
Пеппер	36
Джек	39
Пеппер	45
Пеппер	48
Пеппер	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эмма Лорд

Война и мир в твиттере

Моим любимым писателям — маме и папе

Часть первая

Пеппер

Если уж на то пошло, из духовки едва-едва начинал валить дым, когда сработала пожарная сигнализация.

– У нас квартира горит?

Я опустила крышку ноутбука, где как раз было открыто окно скайпа, по которому я разговаривала со своей старшей сестрой Пейдж, которая учится в Пенсильванском университете. Вторая половина экрана была занята моим сочинением по роману «Большие надежды», и я его переписывала столько раз, что Диккенс, наверное, в гробу перевернулся.

– Нет, – пробубнила я, направляясь через кухню к духовке, – всего лишь моя жизнь.

Я открыла духовку, и из нее тут же вылетел огромный клуб дыма, открывая обзор на значительно почерневший монстроторт.

– Полный отстой.

Я вытащила стремянку из чулана, чтобы вырубить сигнализацию, затем открыла окна. Наша квартира находится на двадцать шестом этаже, и из окон открывается вид на Верхний Ист-Сайд – на множество небоскребов, окна в которых горят даже тогда, когда нормальные люди должны спать. Я на секунду зависла, любуясь этой картиной, потому что до сих пор не привыкла к ней, хотя живу здесь уже четыре года.

– Пеппер?

Точно. Пейдж. Я снова открыла ноутбук.

– Все под контролем, – сказала я, показывая большой палец.

Сестра скептически приподняла бровь. Я же решила обмазать наш монстроторт маслом, отчего Пейдж поморщилась.

– Что ж, если решишь вызвать пожарных, поставь ноутбук повыше, чтобы я могла увидеть, как горячие мужчины в форме вламываются в квартиру. – Глаза Пейдж метнулись по экрану ее ноутбука: наверняка посмотрела на незаконченный пост для кулинарного блога, который мы с ней вместе ведем. – Я так понимаю, сегодня у нас нет фотографий для поста, верно?

– У меня остались заготовки для торта – я попробую еще раз, как только они немного оттают. Скину фотографии позже.

– Ладно. И сколько монстротортов ты успела сделать? Мама еще не вернулась домой?

Я избегала смотреть ей в глаза, сконцентрировавшись на кусках теста, которые доставала из холодильника. Пейдж почти не спрашивала про маму в последнее время, поэтому мне надо было предельно осторожно подбирать слова.

– Она должна вернуться через пару дней. – Затем, не сумев сдержать себя, я добавила: – Ты могла бы приехать домой, если хочешь. В эти выходные мы почти ничем не заняты.

Пейдж наморщила нос.

– Я пас.

Я прикусила щеку изнутри. Пейдж всегда упрямится, когда я пытаюсь наладить отношения между ней и мамой, поэтому все мои усилия обычно идут коту под хвост.

– Но ты можешь приехать ко мне в Пенсильванию, – добавила она.

Идея была невероятно заманчивой, однако на мне висел якорь в виде эссе по «Большим надеждам» и другие большие надежды, которые я должна была оправдать. Экзамен по статистике, итоговый проект по биологии, подготовка к выступлению в дискуссионном клубе, мой

первый день в качестве капитана школьной женской команды по плаванию – и это только верхушка айсберга.

Каким бы ни было мое выражение лица в этот момент, оно все сказала за меня, потому что Пейдж побежденно подняла руки.

– Извини, – машинально сказала я.

– Во-первых, прекрати извиняться, – сказала Пейдж, с головой ушедшая в феминистскую теорию и агрессивно продвигающая ее. – И, во-вторых, что с тобой происходит?

Остатки дыма, наконец, развеялись.

– Что ты имеешь в виду?

– Все эти... штучки барби-отличницы, ты просто погрязла в них.

– Меня заботят мои оценки.

Пейдж фыркнула.

– Дома они тебя не заботили.

Под «домом» она подразумевает Нэшвилл, в котором мы выросли.

– Здесь все по-другому. – Ей это сложно понять, потому что она никогда не училась в академии Стоун Холл, элитной частной школе, где уровень конкуренции зашкаливает настолько, что Блэр Уолдорф¹ пришлось бы здесь изрядно попотеть. В тот год, когда мы переехали сюда, Пейдж была выпускницей и настояла на государственной школе, потому что ее оценок с предыдущего места учебы вполне хватало для поступления в университет. – Требования к ученикам в этой школе значительно выше. Да и поступать в колледж теперь гораздо сложнее: все слишком конкурентоспособные.

– Но не ты.

Ха. Может, я и не была такой до того, как она бросила меня ради Филадельфии. Сейчас же одноклассники знают меня как Терминатора. Или как Паиньку, как Пеппер Синий Чулок, или еще как-нибудь – зависит от того, на что хватит фантазии главному клоуну класса, Джеку Кэмпбеллу, и по совместительству большой занозе в моей заднице.

– И разве ты не подавала документы в Колумбийский университет? Думаешь, их будет волновать твоя вонючая «хорошо с плюсом»?

Я не думаю, я знаю, что их будет волновать моя вонючая «хорошо с плюсом». Я краем уха слышала, как какие-то девочки обсуждали ученика из другой школы, которому Колумбийский университет отказал из-за того, что к концу школы у него упала мотивация к учебе. Но прежде чем я смогла оправдать свою паранойю ничем не подкрепленной сплетней, открылась входная дверь и следом раздалось цоканье маминых каблучков.

– Пока, – сказала Пейдж.

Она отключилась быстрее, чем я успела повернуться обратно к экрану.

Я только вздохнула и успела закрыть крышку ноутбука до того, как мама вошла на кухню, одетая в ее обычную «аэропортную» одежду: пара узких черных джинсов, кашемировый свитер и огромные солнцезащитные очки, которые, если честно, смотрелись на ней несуразно в такой поздний час. Она подняла очки на идеально уложенные светлые волосы, чтобы проинспектировать мой вид и погром, который я устроила на ее обычно безупречно чистой кухне.

– Ты рано вернулась.

– А ты уже должна быть в постели.

Она подошла ко мне и обняла, а я сжала ее в ответ немного сильнее, чем это следовало бы сделать человеку, вымазанному в масле. Мамы не было всего несколько дней, но я чувствовала себя ужасно одиноко. Я все еще не привыкла к тому, что Пейдж и папы нет рядом.

¹ Блэр Корнелия «Би» Уолдорф – главная героиня серии романов «Сплетница», написанных Сесилией фон Цигезар.

Не отпуская меня, мама демонстративно принюхалась. Хотя я точно знала, что запах горелой выпечки уже развеялся, когда мама отстранилась, она скептически приподняла бровь, как это делает Пейдж, и не сказала ни слова.

– Я пишу эссе.

Она взглянула на противень с тортом.

– Кажется, книга очень захватывающая, – иронично сказала мама. – Это что, «Большие надежды»?

– Именно.

– Разве ты не дописала это эссе неделю назад?

А она была права. Думаю, если я так и не напишу ничего путного, один из моих черновиков все-таки можно будет сдать. Но проблема была в том, что проверка эссе в академии Стоун Холл больше напоминает инквизицию. Я сражаюсь за место в Лиге плюща с возможными наследниками йельских бульдогов. На этом поле битвы недостаточно быть хорошей или даже очень хорошей – надо быть лучшей. Побеждай или будешь побежденной.

Что ж, по крайней мере, метафорически дела обстоят именно так. Кстати, говоря о метафорах. Даже прочитав эту книгу дважды и законспектировав толкование всех метафор до потери сознания, я не могу вылить это в эссе так, чтобы наш учитель по литературе не уснул, читая его. Каждый раз, когда я пытаюсь написать связное предложение, мои мысли улетают в сторону завтрашнего занятия по плаванию. Это будет мой первый день в качестве капитана команды, и я знаю, что Пуджа летом была в тренировочном лагере, а это значит, что она может плавать быстрее меня, и это может дать ей прекрасную возможность подорвать мой авторитет и выставить меня идиоткой перед всеми и...

– Хочешь пропустить завтра школу?

Я уставилась на маму, словно у нее внезапно выросла еще одна голова. Пропуск школы – последняя вещь, в которой я сейчас нуждаюсь. Даже пропущенный час даст всем возможность обойти меня, что уж говорить про день.

– Нет. Нет, спасибо, я в порядке. – Я оперлась о столешницу. – Твои встречи закончились?

Она из кожи вон лезла, чтобы сделать «Высшую лигу бургеров» международной сетью – последние дни она только и говорила о встречах с инвесторами в Париже, Лондоне и даже Риме, которые необходимы, чтобы понять, в каком европейском городе стоит открываться в первую очередь.

– Не совсем. Мне придется вернуться. Компания мечет громы и молнии по поводу завтрашнего обеда в честь нового меню, и будет не очень красиво, если я не приду. – Мама улыбнулась. – Ну и, конечно же, я скучала по своей уменьшенной копии.

Я прыснула, потому что на фоне ее фирменной одежды моя мятая пижама выглядела уморительно, и в ней я могла бы быть кем угодно, только не ее копией.

– Кстати, о меню, – вспомнила мама. – Тэффи говорит, ты не ответила на ее сообщения.

Я попыталась изобразить угрызения совести.

– О, точно. Я подкинула ей несколько идей для твитов неделю назад, но потом у меня было много домашки.

– Я знаю, что ты занята. Но ты так хорошо с этим справляешься. – Мама коснулась пальцем моего кончика носа, как она это делала, когда я была маленькой. Они с папой смеялись над тем, как я скашивала глаза, пытаясь посмотреть на мамин палец. – И ты знаешь, как это важно для семьи.

Для семьи. Я знаю, она не подразумевала ничего такого, но ее слова задели меня.

– Ну да, папа наверняка ночами на спал из-за этих твитов.

Мама закатила глаза в любяще-раздраженной манере, которая в других обстоятельствах у нее была припасена для папы. Много воды утекло с тех пор, как они развелись несколько лет назад, но они все еще любят друг друга, хотя и уже не влюблены.

Мама с папой начали «Высшую лигу бургеров» как небольшой семейный бизнес в Нэшвилле десять лет назад, тогда там подавали только молочные коктейли и бургеры, и мы каждый месяц едва собирали деньги на аренду. Никто не ожидал, что наша забегаловка превратится в четвертую по величине сеть фастфуда во всей стране.

Еще я не ожидала, что мои родители полюбовно и без судебного вмешательства разведутся, Пейдж начнет презирать маму за то, что она была инициатором развода, а мама в свою очередь так быстро из босоногой пастушки превратится в фастфудовского магната и мы переедем в Верхний Ист-Сайд.

Сейчас же Пейдж учится в Пенсильвании, папа по-прежнему живет в нашем старом доме в Нэшвилле, а мамины пальцы практически приросли к ее айфону, поэтому слово «семья» кажется притянутым за уши к ее попытке вызвать чувство вины у своей дочери-подростка.

– Объяснишь мне свою идею еще раз? – попросила мама.

Я едва сдержала тяжелый вздох.

– Поскольку мы запускаем новые сырные тосты на гриле, мы «прожариваем» людей в «Твиттере». Любой желающий шлет нам селфи, а мы пишем что-нибудь дерзкое в ответ.

Я могла бы объяснить ей более детально: рассказать о шаблонах ответов, которые мы придумали, напомнить о хештеге #ПрожаркаОтВЛБ, который мы собирались использовать, об игре слов, основанной на составе сыра-гриль, которую мы тоже хотели использовать, – но я очень устала.

Мама присвистнула.

– Мне это определенно нравится, но Тэффи точно не справится с этим *без тебя*.

Я поморщилась.

– Я знаю.

Бедняжка Тэффи. Ей сейчас двадцать с небольшим, она робкая тихоня, которая постоянно носит кардиганы. Она ведет профили «Высшей лиги бургеров» в «Твиттере», «Фейсбуке» и «Инстаграме». Мама наняла ее, когда Тэффи только окончила школу, а наш семейный бизнес только начал развиваться. Но когда мы перешли на национальный уровень, отдел маркетинга решил, что в «Твиттере» «Высшая лига бургеров» должна вести ту же политику, что и KFC, – отвечать саркастично, дерзко и даже немного нахально. В общем, делать публикации в манере, которая абсолютно чужда нашей Тэффи, пусть она очень старалась справиться с поставленной задачей.

Что же касается меня, то, по всей видимости, в моем арсенале бесполезных талантов, которые нисколько не облегчат мне жизнь в колледже, есть способность быть язвой в «Твиттере». Даже если сейчас «быть язвой» подразумевает способность лепить в фотошопе эмблему «Высшей лиги бургеров» на «Красти Краб» и эмблему «Бургер Кинга» на «Чам Баккет», – что я и сделала, когда Тэффи укатила со своим парнем в Диснейленд в прошлом году и мама попросила меня заменить ее. В итоге мой шедевр набрал больше ретвитов, чем любой из тех, которые постили раньше. И с тех пор мама постоянно заставляет меня помогать Тэффи с «Твиттером».

Я собиралась было напомнить маме, что давно пора повысить Тэффи зарплату и отпустить ее отдохнуть, чтобы она смогла нормально выспаться, но она уже повернулась ко мне спиной и уставилась на торт.

– Монстроторт?

– Он самый.

– Ммм. – Мама взяла кусочек уже разрезанного мной торта с противня. – Прячь его от меня, я не смогу остановиться и съем его полностью.

Для меня все еще странно слышать от мамы такие вещи. Если бы она не была гурманом, они с папой не смогли бы открыть «Высшую лигу бургеров». Кажется, еще не так давно мы с Пейдж сидели на веранде в нашем старом доме в Нэшвиле, пока папа обзванивал всех воз-

можных инвесторов, а мама записывала рецепты всевозможных молочных коктейлей и зачитывала их вслух, чтобы узнать наше мнение.

Не думаю, что мне доводилось видеть ее делающей больше трех глотков коктейля за последние годы: сейчас она больше занимается бизнесом, а не готовкой. И пока я вливаюсь в новую мамину жизнь, пытаюсь ужиться в Нью-Йорке и помочь ей с «Твиттером», Пейдж только сильнее злится на маму из-за перемен. Иногда мне кажется, сестра любит заниматься нашим кулинарным блогом только потому, что видит в нем помеху для моей новой жизни.

Но неважно, насколько наша жизнь изменилась, у мамы есть одна слабость на все времена – это монстроторт. Когда я была маленькой, мы с мамой и Пейдж провели рискованный опыт в нашей старенькой духовке, смешав тесто для торта «Фанффети» с шоколадным маслом, песочным тестом, орео, арахисовым маслом и шоколадными конфетами «Роло». В результате мы получили нечто ужасное снаружи и восхитительное на вкус, поэтому мама украсила наше творение игрушечными глазами. Так наш монстроторт и появился на свет.

Мама откусила немного торта и застонала от удовольствия.

– Ладно, все, убери его с глаз моих.

Мой телефон завибрировал в кармане. Я вытащила его и увидела уведомление из мессенджера.

Волк

«Эй, если ты еще не спишь, то быстро дуй в кровать».

– Это Пейдж?

Я снова прикусила щеку изнутри, чтобы сдержать улыбку.

– Нет, это... один мой друг. – Или вроде того. На самом деле я не знала его настоящего имени. Но маме это знать необязательно.

Она кивнула, сдирая ногтем большого пальца пригоревшее к противню тесто. Я внутренне напряглась, ожидая от мамы вопроса о том, как там поживает Пейдж, и мне снова пришлось бы сыграть роль посредника между ними. Но вместо этого она спросила:

– Ты знаешь Лэндона? Вы вместе учитесь.

Если бы я была глупой девочкой, хранящей личный дневник у себя под матрасом, то смогла бы уже впасть в панику. Но я не отношусь к той группе девушек, которые достаточно глупы, чтобы сделать это, хотя мама как раз относится к тому типу родителей, которые обязательно сунут нос в личный дневник своего ребенка.

– Да. Мы вроде как оба входим в команду по плаванию. – Это можно было бы перевести следующим образом: *«Да, я была по уши влюблена в него, когда ты внезапно перебросила меня в львиное логово, кишящее богатенькими детишками, которые знают друг друга с рождения»*.

Первый день был ужасным ровно настолько, насколько только мог быть. Я никогда прежде не носила школьную форму, а от этой у меня зудело все тело, да еще и сидела она на мне не лучшим образом. Мои волосы по-прежнему вились и торчали в разные стороны, как это было и в средней школе. Все ребята уже общались группами, и никто не горел желанием принять к себе девочку, у которой в шкафу стоит шесть пар ковбойских ботинок, а на стене висит плакат с Кейси Масгрейвс².

Я едва сдерживала слезы, когда наконец нашла класс, в котором проходил урок английского, и, к своему ужасу, поняла, что летом все читали книги по списку и тест по прочитанному материалу должен был вот-вот начаться. Я до смерти боялась сказать что-либо учителю, когда Лэндон наклонился к моей парте и произнес:

– Не переживай, мой старший брат сказал, что она проводит эти тесты, только чтобы запугать нас – они не влияют на итоговую оценку.

² Кейси Масгрейвс – американская кантри-певица и автор песен.

Я заставила себя кивнуть ему. За те секунды, что Лэндон сел обратно на свой стул и опустил взгляд на свой тест, мой глупый четырнадцатилетний мозг решил, что я влюбилась.

К счастью, это длилось всего несколько месяцев, я и разговаривала-то с ним от силы раз шесть. Но с тех пор я была слишком занята, чтобы влюбляться в кого-то еще, поэтому Лэндона можно считать моей единственной любовью в старшей школе.

– Отлично. Было бы неплохо, если бы ты сблизилась с ним. Пригласи его в гости как-нибудь.

У меня отвисла челюсть. Я знаю, что в школе она училась в девятиклассе, но это никак не оправдывает ее тотальное непонимание подростковых взаимоотношений.

– Эм, что?

– У его отца достаточно связей, чтобы помочь нашей сети выйти на международный уровень, – сказала мама. – Было бы неплохо сделать все, что в наших силах, чтобы расположить их к нам...

Я чуть не сгорела от смущения. Кроме того, что Лэндон плох в поэзии и любил грустить под Тейлор Свифт несколько лет назад, я о нем ничего не знала, да мне и не представлялось такой возможности. Особенно сейчас, когда он проходит стажировку в компании, занимающейся разработкой приложений, и я крайне редко вижу его в школе. Лэндон был слишком занят тем, что был Лэндоном – невероятно красивым, всеми любимым и явно не про мою честь.

– Что ж, не то чтобы мы с ним были друзьями или кем-то вроде того, но...

– Ты всегда хорошо ладила с людьми. – Мама подошла ко мне и потрепала меня по щеке.

Может, я и была такой, когда училась в прежней школе. У меня было много друзей в Нэшвилле, в основном они и были постоянными клиентами «Высшей лиги бургеров». Но мне и напрягаться не приходилось, чтобы заводить друзей. Они просто у меня были. Мы выросли вместе, все друг о друге знали. Наша дружба не была осознанным выбором, мы просто родились с этим.

Конечно, я не задумывалась над этим до нашего переезда в новую экосистему, где водились совсем другие ребята. В мой первый день в новой школе все пялились на меня как на пришельца. И если сравнить меня с моими новыми одноклассниками, которые выросли на кофе из «Старбакса» и туториалах по макияжу на «Ютьюбе», я таковой не являлась. В тот день я, вернувшись со школы, посмотрела на маму и просто разревелась.

Это сподвигло маму на действия быстрее, чем если бы наш дом был охвачен огнем. В течение недели полочки в моей ванной стали ломиться от косметики, стилисты учили меня укладывать мои непослушные волосы, частные уроки по макияжу, – мама сделала все, чтобы я не уступала богатым одноклассникам. Она перевезла нас в этот новый мир, она же и сделала все, чтобы мы к нему приспособились.

Наверное, странно сейчас вспоминать тот ужасный период с такой нежностью. В последнее время мы с мамой слишком заняты, и нас едва хватает на что-то большее, чем ночные разговоры на кухне, когда мы обе уже одной ногой в постели. Сегодня закончить нашу беседу решила я.

– Я пошла спать.

Мама кивнула.

– Не забудь завтра проверить, включен ли твой телефон, чтобы Тэффи могла с тобой списаться.

– Хорошо.

Меня, наверное, должно раздражать то, что для мамы «Твиттер» важнее моей учебы – особенно если учесть, что это она запихнула меня в одну из самых элитных школ в стране, – но я, наоборот, была рада, потому что мне приятно чувствовать, что мама нуждается во мне.

Вернувшись в свою комнату, я плюхнулась на грудку подушек, которые лежали на моей кровати, откровенно наплевав на мой ноутбук и кучу дел, которые мне надо переделать. Вместо этого открыла «Визл» и набрала ответ.

Сиалия³

«Посмотрите, кто здесь. Не спится?»

Я на мгновение подумала, что Волк мне не ответит, но мне тут же пришло уведомление. Использовать мессенджер «Визл» настолько же волнующе, насколько опасно. Это анонимное приложение, и, насколько я понимаю, в нем обитают только ученики моей школы. Ты выбираешь себе имя пользователя при регистрации – чаще всего это какое-нибудь животное – и остаешься анонимом, пока находишься в главном чате школы, присоединиться к которому может каждый.

Но стоит тебе перейти с кем-нибудь в приватный чат, в какой-то момент – его невозможно предсказать – приложение открывает ваши личности друг другу. Бум. Вся конспирация лопаается, как воздушный шарик.

Поэтому чем больше я общаюсь с Волком, тем скорее приближаю момент раскрытия наших лиц. Вообще, некоторых людей приложение раскрывает через неделю или даже через день общения, поэтому можно считать чудом тот факт, что мы спокойно общаемся уже два месяца.

Волк

«Не-а. Слишком занят мыслями о том, как ты разнесла Пипа в пух и прах».

Может, именно поэтому мы и начали сближаться в чате. Мы говорим друг другу вещи, которые не выдают нас, но и при этом не приходится сильно хитрить.

Сиалия

«Можешь считать, у меня было преимущество. Все эти его сказки из разряда “из грязи в князи” не так уж чужды мне».

Волк

«Ага. Я уже начинаю думать, что только мы с тобой не были рождены с серебряными ложками во всех отверстиях».

Я затаила дыхание, потому что подумала, что мессенджер вот-вот раскроет нас. Я и хотела этого, и в то же время боялась. Звучит, конечно, жалко, но все вокруг настолько независимые и постоянно соперничают друг с другом, что Волк, можно сказать, был мне единственным другом с тех пор, как мы сюда переехали. И я не хотела, чтобы это изменилось.

На самом деле, я не боялась разочароваться, узнав, кто он. Я боялась, что разочаруется он.

Волк

«В любом случае каждый получает то, что заслуживает. Тем более эти придурки могли бы заплатить более умному человеку, чтобы тот написал за них эссе».

Сиалия

«Не хочу признавать это, но ты, скорее всего, прав».

Волк

³ Сиалия – лазурная птица семейства дроздовых. Считается, что она приносит удачу.

«Эй, осталось всего восемь месяцев до выпуска».

Я закрыла глаза. Временами мне казалось, что эти восемь месяцев быстро не пролетят.

Джек

Людей должны призывать к ответственности за отправление электронных писем в утро понедельника. Особенно если это письмо испортит тебе весь день.

Собственно, именно это сегодня ожидает наших родителей и прилежных учеников школы Стоун Холл. Письмо написано мистером Ракером, директором нашей школы и по совместительству самым настоящим кайфоломом.

«До сведения администрации школы дошла информация, что наши ученики состоят в анонимном чате приложения «Висл». Использование данного приложения не только не регламентировано школой, но также вызывает у администрации ряд опасений. Риск интернет-травли, потенциальное распространение ответов на тесты и неизвестное происхождение данного приложения являются достаточными причинами для запрета «Висла» на территории школы. Этот запрет вступает в действие немедленно.

Дорогие родители, мы убедительно просим вас провести беседу с вашими детьми о данном приложении. С сегодняшнего дня любой студент, замеченный за использованием приложения «Висл» на территории школы, будет привлечен к ответственности и понесет дисциплинарное наказание. Настоятельно просим обладающих информацией об этом приложении донести ее до нас.

Желаем вам хорошего дня,
Директор Ракер»

Я отключил экран телефона, опустил обратно на подушку и закрыл глаза.

«Висл»? Из всех вещей, за которые я готов умереть, эта, наверное, будет последней, но меня изрядно утомило неправильное написание названия. Это «Визл» и никак иначе. Но что более важно – никто не пытался использовать его для списывания и травли, или что там еще, по мнению Ракера, подростки могут делать, когда, наконец, находят платформу для общения, где взрослые не дышат им в затылок. Во-первых, если кто-нибудь в Стоун Холле хочет облегчить себе академическую жизнь, он и без этого чата найдет способ раздобыть ответы. И, во-вторых, я бдительно мониторию общий чат, чтобы никто даже не пытался затравить кого-то или списать контрольную.

Дверь в мою комнату распахнулась.

– Ты это *видел*?

Итан ворвался в мою комнату быстрее, чем я успел проснуться и окинуть его недовольным взглядом. Как обычно, он был уже в школьной форме, волосы блестят от геля, на плече – рюкзак. Он всегда рано приходит в школу, чтобы встретиться со своим парнем и, наверное, сделать то, что суперпопулярным ребятам лучше не делать. А он именно такой: президент студсовета, капитан команды по прыжкам в воду и просто золотой ученик, которого обожают все учителя. Я даже слышал как-то, как два учителя спорили в учительской из-за того, награду по какому предмету Итан должен получить в конце учебного года – по английскому или по математике, – потому что получить сразу обе не разрешалось.

Все это могло бы раздражать, если бы Итан был просто моим братом. Но нет, все еще хуже: мы с ним близнецы. И нет ничего более отстойного, чем жить в тени своей точной копии.

Не то чтобы я был неудачником. У меня полно друзей. Но если бы на нас вешали клишированные школьные ярлыки, я был бы главным клоуном класса, в отличие от моего брата, который является местной версией Троя Болтона⁴.

Ладно, может, я действительно, самую малость, неудачник.

– Да, я читал письмо, – пробормотал я, почувствовав, как внутри нарастает волнение.

Дело все в том, что никто не знает, что «Визл» создал я. Я даже не думал никогда, что мессенджер станет... *таким*. Итан как-то попросил родителей подарить ему на Рождество книгу о разработке приложений, чтобы заниматься с друзьями в каком-то клубе. Потом я одолжил у него книгу и понял, что у меня может неплохо получиться. Я создал несколько захудалых мессенджеров и простеньких приложений, но я был очень занят, помогая родителям с нашим гастрономом, чтобы сделать что-то большее. Тогда мне в голову пришла идея о создании «Визла» и уже никак не оставляла.

В итоге я создал этот мессенджер, долгое время отшлифовывал код. И одним августовским днем, когда мы с братом пришли на какую-то вечеринку и наша одноклассница поболтала со мной секунд тридцать, пока не поняла, *что я не Итан*, я понял, что я сыт по горло таким отношением. В тот раз вместо того, чтобы несколько часов заниматься самосожалением, как я это обычно делал, я взломал тамблеровский аккаунт нашей школы и выложил там ссылку на «Визл».

На следующее утро в мессенджере было уже пятьдесят человек, поэтому мне пришлось перестраховаться и сделать так, чтобы зарегистрироваться в «Визле» можно было только при помощи учебного аккаунта электронной почты нашей школы. Сейчас в приложении человек триста, а это значит, что во всей школе только двадцать шесть человек не пользуются этим мессенджером. Может, это и к лучшему, потому что, если честно, у меня уже фантазии не хватает на названия животных для имен пользователей. Последнего зарегистрированного я вообще назвал Рыбой-каплей.

– Какое еще письмо? – спросил Итан. – Я говорю о твитах.

– Чего?

Итан схватил мой телефон с кровати и сделал невероятно раздражающую вещь, на которую способен только твой близнец, – разблокировал мой телефон своим лицом. Он открыл что-то и пихнул мне прямо под нос.

– Погоди, что это?

Я опустил взгляд на твиты, которые, как выяснилось, принадлежали аккаунту корпорации «Высшая лига бургеров». Там было представлено новое меню, в котором также были сырные тосты ручной работы, названные в этом твите «От бабули с любовью». Я прочитал список ингредиентов, и мое замешательство превратилось в злость так быстро, что Итан тут же это почувствовал. Он спросил:

– Ты видишь *это*?

Я перевел взгляд с брата на экран.

– Какого *черта*?

У нас, конечно, не было ни лицензии, ни патента на название этих тостов или на данную комбинацию ингредиентов. Но это определенно не совпадение. «От бабули с любовью» – основа нашего семейного бизнеса с тех пор, как бабушка Белли включила их в меню, основываясь на рецепте сэндвичей, который придумала *ее* бабушка. И сейчас десятки лет совершенствования сырных тостов Кэмпбеллов были украдены одной из самых больших фастфуд-сетей в стране, вплоть до названия и секретных ингредиентов.

Может, у нас и нет большой корпорации, но наши «Мамины тосты» продаются в Ист-Виллидж вот уже не один десяток лет. Каждый уважающий себя житель Нью-Йорка знает наши

⁴ Главный герой фильма «Классный мюзикл».

легендарные сэндвичи, а уж «От бабули с любовью» – тем более. Это наши самые продаваемые сырные тосты. У нас буквально вся стена увешена фотографиями людей, позирующих с бабушкой Белли, среди них есть даже некоторые суперзвезды восьмидесятых, и я абсолютно уверен, что этими фотографиями мама гордится больше, чем нашими с Итаном детскими фото.

– Папа сказал игнорировать это, – сказал Итан, его ноздри расширились от гнева, и я был уверен, что мои тоже. Я буквально видел, как у него в голове закрутились шестеренки, его ладони сжались в кулаки. Я стоял рядом с ним: ярость разбудила меня быстрее, чем любое тупое письмо от Ракера.

Этот мир может насмехаться надо мной как угодно, но я не позволю ему это делать с бабушкой Белли.

– Что ж, *мне* он этого не говорил.

Уголки губ Итана быстро поднялись вверх.

– Это я и ожидал от тебя услышать.

Несмотря на всю разницу между нами, в одном мы всегда заодно. Итан мог уклоняться от большинства смен в кулинарии в последние годы – в лето перед старшей школой он вступил в волонтерскую организацию, которая занимается строительством домов и состоит в основном из самых популярных ребят нашего класса, и, конечно же, стал их королем, – но он всегда будет стоять стеной за наш бизнес. Это настолько глубоко внутри нас, что нам кажется, это единственная вещь, которую мы всецело разделили с рождения, не считая внешности.

Я зашел в аккаунт «Твиттера» «Сырных тостов» со своего телефона. «Твиттером» занимаемся мы с братом, потому что наших родителей продвижение кулинарии в социальных сетях вообще не волнует. Если бы это зависело от отца, у нас вообще нигде не было бы аккаунтов.

– Молва о нас передается из уст в уста, – постоянно говорит отец, переполненный своей неиссякаемой гордостью. И это, конечно, хорошо, но не сильно помогает удерживаться на плаву. Они с мамой обсуждали это много раз, но я работаю в нашей кулинарии практически каждый день после школы, и, благодаря образованию неподкупной частной школы, на которой родители настаивали, я совсем не идиот. Большая часть наших постоянных клиентов съездили или переехали. Очереди все короче. Наши продажи падают вниз. Нам надо привлечь больше клиентов.

Не то чтобы я не пытался втянуть папу в двадцать первый век. Я даже придумал несколько идей для социальных сетей или приложений для продвижения. Но прежде чем я успевал сказать отцу, что это я сам сделал, он говорил мне, что надо вкладывать больше сил в магазин, а не во весь этот «фоновый шум».

– Приложения, сайты – для меня это все бесполезно, – говорил он. – Магазину нужна вся наша семья. Нам просто надо работать немного усердней, вот и все.

Мне все еще неприятно, что он так быстро и легко отверг мою работу, но тот факт, что «Высшая лига бургеров» украла наш рецепт, еще неприятнее.

Я все еще пребывал в полусонном состоянии, когда писал твит. Если честно, не лучшая моя работа. Я просто выложил фотографию нашей таблички, которая с гордостью вещала, что мы продали наш миллионный тост «От бабули с любовью» в 2015 году, и скрин твита «Высшей лиги бургеров», в котором говорилось, что «никто не зажарит тосты лучше, чем наша лига бабуль».

Я почти добавил что-то агрессивное, как часто это делаю в жизни. Типа, «Кем вы, вонючая туалетка, себя возомнили?» – это первое, что пришло в голову, но родители убили бы меня, если бы я написал что-то грубое с аккаунта нашей кулинарии. В итоге я решил, что ради своей безопасности стоит воздержаться от такого – тем более что изображения говорят сами за себя, – поэтому просто добавил эмодзи со смотрящими в сторону глазами. Я повернул экран Итану, он кивнул, и я нажал «Твитнуть».

Этот твит вряд ли что-то изменит. У нас подписчиков всего ничего по сравнению с их четырьмя миллионами. Но иногда даже кричать в пустоту гораздо лучше, чем стоять в стороне.

Джек

Я постепенно выходил из состояния Халка, пока шел до шестой железнодорожной платформы, покинув дом спустя минут двадцать после Итана. Во всей это отстойной ситуации меня утешало только то, что бабуля Белли, возможно, и не узнает всего этого, – уверен, она ни разу в жизни не заходила в «Твиттер». Вряд ли в свои восемьдесят пять она была продвинутым пользователем интернета.

Но, опять же, все могло измениться. Она уже потихоньку сдает позиции – ее прогулки все короче, и то ходит она в основном до врача. Но это относится к одной и тех вещей, которые мы дома стараемся не замечать, как, например, финансовое состояние нашей кулинарии и ее будущее после того, как родители решат оставить это дело. Пока никто нам напрямую не скажет, что здоровье бабушки ослабевает, можно делать вид, что все в порядке.

Телефон, который я держал в руке, завибрировал, вытаскивая меня из вихря мрачных мыслей. Я открыл «Визл», стараясь не улыбаться слишком широко, пока читал сообщение.

Сиалия

«пвылоавыщашофзщаоаофыщзаофшаофыщзваофщзымо»

Волк

«Я не говорю на языке зомби. Это значит, что ты дописала эссе?»

Сиалия

«Именно “эссе”. Если оно сможет составить конкуренцию работе гострайтера⁵, которого наняла мама Шейна Андерсона, то еще одна проблема будет решена».

Шестой поезд⁶ прибыл на станцию, и я пихнул телефон в карман, а вместе с ним и Сиалию. Она в последнее время серьезно увлеклась игрой на выбывание. Ей вряд ли сильно поможет тот факт, что она бы ликвидировала парня из класса, у которого пальцев больше, чем извилин, потому что если бы она и пыталась поймать меня на кошечку⁷, то, я вполне уверен, по ту сторону экрана точно не Андерсон. Сиалия слишком сообразительная. (Хотя это может быть и нанятый мамой Андерсона гострайтер...)

Может, мне следовало бы узнать, кто она, без каких-либо подсказок. Я едва общался с кем-то в общем чате школы, где каждый может анонимно написать практически что угодно, и уж тем более не начинал ни с кем приватный чат. Но в один прекрасный момент я кинул в чат ссылку на бесплатный сборник тестов по всем предметам, на что одноклассники со своими двести-долларов-в-час репетиторами ответили абсолютной тишиной. Тем не менее примерно через час мне написала Сиалия. Она скинула фотку Скалы⁸, полурастянувшегося в тренажерке, и подписала: «Это я, когда выпью все суперсладкие протеиновые коктейли». Это была отсылка к одному из первых вопросов по математике из сборника, в котором речь шла о выдуманной протеиновой компании, выпускающей продукцию в порошкообразном и жидком виде.

В профиле было сказано, что это девушка и что она выпускница – это, собственно, все, что я знаю. Ну и то, что она явно не брезгует бесплатными материалами для подготовки к экзаменам. И хотя с тех пор мы говорили о многом – сначала о глупой шутке в связи с заданием

⁵ Гострайтер (англ. *ghost writer*) – человек, который пишет текст под именем другого человека, как правило, публичного лица. Само наличие гострайтера традиционно не афишируется.

⁶ Имеется в виду шестой маршрут метро Нью-Йорка.

⁷ Ловля на кошечку – публикация на сайте знакомств фотографии с привлекательным питомцем в расчете на симпатию людей противоположного пола.

⁸ Актер Дуэйн Джонсон по прозвищу Скала.

из сборника, затем обсудили учителей и всякое другое, не относящееся к школе, – я все равно не имею ни малейшего представления, кто она такая.

Если честно, узнать ее личность не так уж и сложно, если бы я иногда уделял внимание чему-либо еще, кроме команды по прыжкам в воду и моего телефона.

Хотя, вообще-то, я мог бы обнаружить все прямо сейчас. Прежде всего, у меня есть доступ ко всем адресам электронной почты, которые прикреплены к пользователям мессенджера. Но я даже не пытался подсмотреть их, потому что мне казалось, что тогда я предам Сиалию. Словно этот поступок мог разрушить все, потому что я почувствовал бы себя лжецом. Словно я все время дурачил ее. Лучше уж пусть все останется как есть.

Но я думаю, что уже одурачил ее, потому что приложение должно было рассекретить нас неделями ранее – в этом и есть фишка «Визла». «Пиф-паф! Конец тебе, подлец»⁹ (не самая умная, конечно, отсылка, но я запатентовывал приложение в три часа утра). Однако я немного поменял код, чтобы приложение нас пока не выдавало. Возможно, я сделал это, потому что это так здорово – иметь человека, который тебя понимает, который тоже чувствует себя в этом месте не в своей тарелке. По крайней мере, приятно поговорить с человеком, у которого не мое же лицо.

Возможно, просто классно наконец быть с кем-то откровенным. Итану хватает сил делать вид, что мы так же богаты, как наши одноклассники, но я не могу отделить школьного Джека от домашнего, как это делает Итан, или, по крайней мере, мне это дается не так легко. Мне кажется, что эти попытки занимают весь мой разум, но, когда я разговариваю с Сиалией, мне не приходится разрываться. Я просто могу быть собой.

Не то чтобы я не был благодарен – мы с Итаном из кожи вон лезли, чтобы поступить в Стоун Холл, а родители до сих пор надрываются на работе, чтобы оплатить нашу учебу. Мама раньше училась в этой школе, и хотя она сейчас живет совсем другой жизнью – из городской принцессы она превратилась в жену обычного владельца кулинарии из-за бурного романа, в результате которого на свет появились мы с Итаном, – она всегда была непоколебима в отношении нашего образования, а папа ее в этом поддерживал.

Поэтому утром понедельника я оказался у ступеней Стоун Холла, чувствуя себя горбуном из Нотр-Дама, когда приветственно кивал детям, чей банковский счет может позволить им купить «Старбакс» на углу улицы ради забавы.

И моя самая нелюбимая часть дня – когда излучающие надежду чужие взгляды устремляются на мое лицо, а затем резко гаснут, стоит людям осознать, что я не их обожаемый Итан. И это даже несмотря на то, что мои волосы лохматее и длиннее, чем его, и что рюкзак и обувь другие, да даже то, что я хожу весь день, опустив голову в телефон, – ничего из этого не смущает этих людей.

Поэтому мне действительно нужен был новый человек. Но раз уж я так к этому равнодушен, то мне приходится только ждать, когда Итан свалит в какой-нибудь университет для яппи¹⁰ подальше от дома и весь этот балаган закончится.

– Эй-эй-эй.

Я повернулся на возглас и увидел Пола, который ростом был всего сто шестьдесят пять сантиметров и являлся наглядным примером того, что было бы, если бы у кролика Энерджайзера и лепрекона с коробки «Лакки Чармс» был очень рыжий и легковозбудимый ребенок.

– Ты видел это? Мел и Джина только что, ну, это, *тискались* в коридоре, – сообщил он мне, его глаза светились от восторга.

Я вытащил учебник по истории из шкафчика и закрыл его.

– В 1954-м? Потому что, я уверен, сейчас это называют поцелуем.

⁹ Игра слов: «Pop! Goes the Weasel» – название приложения Weazel.

¹⁰ Яппи – субкультура успешных молодых людей.

Пол лихорадочно схватил меня за руку.

– Вот в чем дело, – сказал он с такой назойливостью, словно был стажером и пытался на ходу втереть что-то боссу, пока тот шел до своего кабинета, – они переписывались в «Визле», ну, знаешь, флиртовали и все прочее, потом приложение раскрыло их имена, и теперь они встречаются.

Пол улыбнулся мне одной из своих маниакальных улыбок, и на этот раз я улыбнулся ему в ответ. Если честно, это самая классная часть «Визла» – он связывает людей. Да, иногда в общий чат просто пишут какую-нибудь ерунду ради забавы, но иногда люди говорят о чем-то *реальном*. О том, как они нервничают из-за поступления, о родителях, которые давят на них. Ребята шутят о тестах, которые мы все завалили, чтобы поднять друг другу настроение. Все выпускают наружу настоящего себя, ту сторону, которую постоянно прячут в своей броне и никогда не показывают в реальности, потому что иногда это место кажется водопоем, где ты или хищник, или жертва, а не учебным заведением.

Но это то, ради чего стоит часами сидеть в приложении. Когда ребята начинают общаться в приватном чате. Мел и Джина не первые, кто начал встречаться или нашел нового хорошего друга благодаря мессенджеру. Что интересно, так много людей жаловались на наши экзамены, что в результате сформировалась целая группа, которая встречается дважды в неделю в библиотеке.

Мы выглянули из-за угла, вполне уверенные, что Мел и Джина настолько увлечены друг другом, что их уже ничто не способно отвлечь. Я было начал беспокоиться, что это случилось с нашим старым другом директором Ракером, у которого был нюх на подростковые проявления влюбленности похлеще, чем у собак-саперов.

– *Горячо*, правда?

Я положил руку на плечо Полу, прекрасно зная, что ничто не сможет снизить уровень его эмоционального возбуждения. А еще я знал, что он сказал «горячо», потому что думал, что должен как-то прокомментировать эту сцену.

– У тебя включился режим Хефнера¹¹, – сказал я, потому что мы обсуждали это ранее. – Сбавь обороты.

– Да, точно, точно.

Если в этой школе и есть человек, которого я жалею больше, чем себя, то это Пол, который, несмотря на то, что имеет достаточно атрибутов, чтобы быть одним из самых богатых детишек Стоун Холла, на самом деле представляет собой ожившую версию персонажей из мультиков с канала Nick Jr¹². Если бы в команде по прыжкам в воду ребята так рьяно не защищали друг друга, его бы давно съели заживо.

– Пойдем в класс.

Когда я сел за парту, мне до зуда хотелось проверить телефон, посмотреть, есть ли новое сообщение от Сиалии. Мне внезапно захотелось сказать кому-нибудь, что *это случилось*. Я стал частью чего-то невероятно классного. И, что самое странное, больше всего мне хотелось сказать это человеку, чье лицо я никогда не видел.

Хотя нет, есть еще кое-что более странное. Я точно *видел* ее лицо, кем бы она ни была. Я знал каждого в нашей параллели. Это могла быть Картер, которая маркером выделяет записи за первой партой. Или Эбби, которая надувает огромный пузырь из жвачки. Или Хейли, или Мина, которые пригнули головы и, судя по всему, горячо обсуждают фанфик по Ривердейлу. В некотором роде Сиалия одновременно никто и каждая – каждый раз, когда кто-то замечает, как я смотрю на одну из них, я могу смотреть прямо на нее.

¹¹ Хью Марстон Хефнер – американский издатель, основатель и шеф-редактор журнала Playboy, а также основатель компании Playboy Enterprises.

¹² Nick Jr. – американский кабельный канал, управляемый Nickelodeon Group.

Или еще хуже – она может смотреть прямо на меня.

Джек

Как только прозвенел звонок, я сразу понял, почему Ракер не гонял сегодня томящихся от любви подростков своей метафорической метлой.

– Доброе утро всем прилежным ученикам Стоун Холла, – раздался из громкоговорителя гнусавый голос, который посещал как минимум половину обучающихся здесь в кошмарах. – Все уже прочитали электронное письмо, в котором говорится о приложении «Висл» и о дисциплинарных наказаниях, которые будут применены к ученикам, которых поймают за использованием этого мессенджера на территории школы. Убедительно просим учеников сообщать учителям, если они заметят кого-то за использованием этого приложения.

Вот черт. Чем Ракер печально известен – помимо его отвратительной коллекции узорчатых штанов, которую даже местный секонд-хенд сжег бы на заднем дворе, – так это своей командой доносчиков. Я не знаю имен, но у меня есть некоторые догадки, а именно – Пуджа Сингх и Пеппер Эванс, две выпускницы, которые постоянно молча борются за власть и признание в классе, а также несколько ребят из команды по гольфу, которые выглядят слишком тихими и оттого подозрительными, потому что... что ж... из-за гольфа. Я не знаю, предлагает ли Ракер их команде дополнительные привилегии или более высокие оценки, но среди них всегда есть как минимум трое агентов, способных заложить остальных. Итан зовет их «пташками», совсем как один чувак из «Игры Престолов», но я думаю, что «полные придурки» им подходит больше.

Пол наклонился ко мне.

– Это все больше напоминает «1984».

Я старался не смотреть на него прямо. Наша классная, миссис Фэрчайлд, любит тишину. Лично я считаю, это потому, что большую часть времени она страдает от похмелья, что прекрасно можно понять. Если бы мне пришлось работать с подростками в период полового созревания, у каждого из которых имелись бы платиновые кредитки, я бы тоже каждый день закупался в алкогольном отделе ближайшего супермаркета.

– В точку.

Затем открылась дверь, и в класс влетела Пеппер Эванс собственной персоной. Единственная причина, по которой я могу сказать, что она не робот, – это то, что она капитан команды по плаванию, а я не замечал горящих электрических схем, когда она заходит в бассейн. Все остальное указывает на то, что она продукт Скайнета¹³: Пеппер лучшая в классе, ее средний балл заставляет рыдать простых смертных, и она никогда, вообще никогда не опаздывает.

А это значит, раз она вошла в класс спустя пять минут после звонка, на это могла быть только одна причина.

– Итак? – спросил я, как только она опустилась на стул рядом со мной. Она либо не услышала меня, либо сделала вид, что не слышит. – Сколько?

Пеппер едва повернулась в мою сторону. Ее лицо полыхало под веснушками, а взгляд уперся в доску, где миссис Фэрчайлд без особого энтузиазма писала о волонтерской работе, которая будет длиться до конца этой недели.

– Сколько чего? – процедила она сквозь зубы, заправляя отросшую челку за ухо. Через секунду она опять упала ей на лицо, словно занавес из волос, с которым ей, кажется, никогда не удастся справиться.

– Сколько человек ты уже заложила Ракеру?

¹³ Скайнет – искусственный интеллект из фильмов о Терминаторе.

Она едва заметно нахмурилась, ее бровь слегка приподнялась. Меня странным образом удовлетворяет любая ее реакция – словно машина в Chuck E. Cheese's¹⁴ в Гарлеме сломалась и выдала несколько дополнительных билетиков. Я наклонился к Пеппер, на мгновение забыв о дурном нраве миссис Фэрчайлд.

– И что он тебе предложил? – спросил я. – «Отлично» за все промежуточные экзамены?

Она сжала губы, но ее тело осталось неподвижным. У Пеппер была невероятная способность сидеть как статуя. Я бы не удивился, если бы узнал, что на нее в парке садятся голуби.

– В отличие от тебя, – сказала она, – мне *не нужна* ничья помощь с оценками. – Хотя она едва шевелила губами, слова были произнесены четко.

Я с фальшивой обидой положил руку на сердце.

– Ты думаешь, я дурак?

– В прошлом году я видела, как ты смешал «Кул-Эйд»¹⁵ с водой из бассейна и выпил. Я *знаю*, что ты дурак.

– Это было на спор.

Она изогнула свою аккуратную бровь, прежде чем переключить все свое внимание на тетрадь. Я усмехнулся и потряхнул головой. На самом деле я ничего против Пеппер не имею. Она одна из немногих, иногда даже не глядя, может отличить меня от брата.

Что, между прочим, не так уж и легко для робота.

Но в то же время это немного пугает. Даже люди, с которыми мы вместе в садик ходили, путают нас, а она пришла из ниоткуда и сразу разобралась что к чему. Порой на первом году старшей школы я замечал, как она пялится не только на меня – на всех. Тогда мы все находились в неловкой стадии полового созревания, когда мы прикидываемся, что не замечаем друг друга, но Пеппер активно и без тени смущения разглядывала нас, словно изучала всех, чтобы потом подогнать себя.

Я до сих не могу понять, что именно было странно – сама Пеппер с ее пронзительно глядящими на меня голубыми глазами или тот факт, что меня просто кто-то заметил. Но я скучал по этому ощущению странности, когда все закончилось – примерно через месяц она стала такой же, как все вокруг: заикленная только на своих оценках и экзаменах и не видящая дальше своего носа.

Возможно, поэтому я и дразню ее больше, чем остальных примерных ребяташек – дурацкие клички, шуточки, случайно пинаю ее стул. Потому что скучаю по тому вниманию, что получал от нее. Я знаю: она была другой. Она так же не подходит этому месту, как и я.

Классный час, вопреки названию, длился всего полчаса, но миссис Фэрчайлд, как обычно, сделала его настолько скучным, насколько вообще возможно и даже больше. Я мог видеть, как ученики вокруг меня тайком достают телефоны и начинают строчить сообщения – только со своего места я увидел как минимум троих ребят, сидящих в «Визле». Я обвел взглядом комнату, чтобы проверить, пользуется ли им кто еще. Затем я заметил, что и Пеппер слегка наклонилась.

– Ты *пишешь* сообщение?

Она подпрыгнула. Буквально подпрыгнула на стуле: я видел, как она оторвалась от него на пару сантиметров.

– Не твое дело.

– Ты в «Визле» сидишь?

Она посмотрела на меня с серьезным видом.

– Ты видел письмо Ракера. Я не хочу, чтобы меня застукали с этим приложением.

Ауч.

¹⁴ Chuck E. Cheese's – сеть ресторанов и развлекательных центров в США.

¹⁵ «Кул-Эйд» – ароматизированный напиток. Продается в виде порошка, который необходимо развести водой.

Она вернула пальцы на экран и продолжила набирать сообщение, не отрывая взгляда от доски. Должен признаться, впечатляющее зрелище.

– Здесь *учатся*, Пепперони.

Она закатила глаза и убрала телефон обратно в рюкзак. Я подумал, неужели она правда решила, что я сдал бы ее Ракеру? Сама мысль об этом обижает сильнее, чем ее «Я видела, как ты пил «Кул-Эйд»» (что, если честно, было самым отвратительным из всего, что я делал под давлением одноклассников).

Я собирался сказать что-нибудь примирительное, но заметил краем глаза, что Пол тоже раскрыл рот. Мне не нужно никакого периферийного зрения, чтобы увидеть это – полкласса точно заметило, – потому что Пол настолько ярко демонстрирует свое настроение, что, я уверен, люди в Бруклине могут намочить указательный палец, поднять его по ветру и узнать, в каком состоянии сейчас находится Пол. Но, как только он поднял голову и наши взгляды встретились, я понял – что бы ни привело его в возбуждение, это не сулит мне ничего хорошего.

Он уже было набрал воздуха, чтобы сказать мне что-то, но, прежде чем он успел это сделать, к счастью, прозвенел звонок. Пол вскочил со своего стула настолько быстро, что едва не ударился своими костлявыми коленями о парту, и схватил меня за рукав.

– Ты *видел*?

Я бросил взгляд на место Пеппер – ее уже там не было.

– Видел что?

Пол трясущимися руками вытянул телефон передо мной, что, если подумать, было максимально тупо. Еще до истории с «Визлом» нам не было разрешено доставать свои телефоны во время занятий. Однако я увидел знакомую шапку твиттерского аккаунта нашей кулинарии, и все мои переживания о возможных наказаниях сразу вылетели в окно.

– Боже мой.

– Потрясающе, правда?

– Потрясающе? – Я выхватил у него телефон и моргнул, приблизив экран к лицу, словно это могло стереть *три тысячи* ретвитов и невероятное количество лайков на твите, который я опубликовал утром. – Родители выпотрошат меня, как гребаную рыбу.

– Следи за языком, – пробормотала миссис Фэрчайлд, которую, по-видимому, телефон в моих руках не интересовал от слова совсем.

Сердце колотилось у меня в горле, и я думал, голова взорвется. Моему отцу в принципе не нравится то, что у нас есть аккаунт в «Твиттере», что уж говорить о том, чтобы он привлек внимание общественности.

– Как это могло произойти?

У нас шестьсот сорок пять подписчиков. Я знаю точную цифру лишь потому, что она меняется крайне редко. До данного момента больше всего внимания получил твит Итана с мемом о ранних тренировках команды по прыжкам в воду, который он запостил случайно, а боты его ретвитили.

– Маригольд ретвитнула вас, – сказал Пол.

У меня пересохло в горле. Маригольд – поп-звезда восьмидесятых, которой мама просто одержима. Она одна из немногих наших клиентов, которые до сих пор к нам заходят.

Сама того не подозревая, она обеспечила мне домашний арест до следующего года. Впервые я думал, что мог бы получить немного одобрения за свои действия в «Твиттере», но теперь мне придется бесплатно пахать в кулинарии и пахнуть, как индюк, вплоть до Рождества.

Потому что у Маригольд, как выяснилось, двенадцать с половиной миллионов подписчиков. И мне не надо быть математическим гением, чтобы знать, что она получает огромное количество ретвитов, даже когда просто вздыхает. Вы только подумайте, она ретвитнула нас, но за то время, что я просто стоял и пялился в телефон, нас ретвитнуло еще двести пятьдесят человек.

Я зашел на ее профиль и увидел, что после ретвита она написала еще кое-что: ««Высшей лиге бургеров» должно быть стыдно! «Мамины тосты» совершенствовали рецепт тостов «От бабули с любовью» еще до того, как этот гаврик появился на свет».

Под «этим гавриком» она, видимо, подразумевала мультяшного круглолицего веснушчатого паренька в бейсболке и с рожком таящего мороженого в руке, который являлся эмблемой «Высшей лиги бургеров». В рекламе он всегда делает выкрутасы с этим мороженым и говорит: «Добро пожаловать в высшую лигу!» Мне надо было что-нибудь придумать и как можно скорее, потому что родители меня по голове не погладят, когда я вернусь домой.

– Ты популярен! – восторженно сказал Пол.

– Я обречен.

Я вернул ему телефон и стал осматривать коридор в надежде найти Итана. Мне было интересно, знает ли он о случившемся. Не то чтобы это имело особое значение – ничто не спасет меня от очередной длинной лекции, в которых наш папа ух как силен. Думаю, эта будет из разряда «терпение – добродетель» – иными словами, «ты должен думать, прежде чем делать что-либо». Должен признать, у меня есть глупая привычка открывать рот до того, как мозг отфильтрует мысль до приемлемого формата (ну, или твит).

Но если я поступил плохо, наша мама как-то сделала кое-что *гораздо* хуже. Однажды она напугала парня-грабителя с настоящим ножом, швыряясь в него мясом и громко крича. Так что мой пыл не так уж и аномален для нашей семьи.

Тем не менее это был один из моментов, когда я жалел, что не последовал совету отца. Если мне удастся выйти сухим из воды, это будет настоящее чудо. Из-за Маригольд у меня теперь будет нервный тик до конца жизни каждый раз, когда я услышу любой хит восьмидесятых.

Пеппер

Волк

«Ты молчишь весь день. Я уже начал думать, что ты вошла в число тех, у кого Ракер успел конфисковать телефон. Удачи тебе».

Я уткнулась лбом в дверцу своего шкафчика в раздевалке. Последний звонок прозвенел минут десять назад, и за это время Тэффи успела написать тридцать два сообщения.

«Что ты об этом скажешь?» – говорится в ее последнем сообщении. Я украдкой взглянула на скриншот твита, который она мне отправила. Это было селфи парня, который держал в руке огромный пакет из «Мака», его рот забит картофелем фри. На фотографии надпись: «Прожарь-ка меня, детка». Это один из нескольких тысяч твитов, которые мы получили сегодня в рамках нашей акции #ПрожаркаОтВЛБ, и мы пытались ответить хотя бы на пару сотен из них.

Под «мы» я подразумевала себя, потому что Тэффи, кажется, вообще не понимает значение слова «сарказм».

Я набрасывала ответы и отправляла ей так быстро, что мне даже не нужно было время на раздумья: «Жечь мусор незаконно».

Для публикации Тэффи нужна примерно минута, а потом она еще минут пять будет искать другого счастливчика, которому можно ответить, и еще десять минут потратит на попытки придумать что-нибудь самой. И только после этого она напишет мне. К тому времени я буду уже в бассейне – чего я жду с нетерпением, потому что это единственное место, где Тэффи меня не побеспокоит.

Не то чтобы я не любила плавать. Мы с Пейдж плавали в летней лиге, когда были маленькими, и даже в шесть лет я плавала наравне с другими ребятами. Это было так весело: мы практически не соревновались и играли в Уно в перерывах между заплывами. А после занятий по плаванию мы упрашивали родителей купить огромную печеную картошку в фургончике на углу улицы. С тех пор как мы переехали, я больше не плавала ради удовольствия. Здесь ребята занимаются только для того, чтобы получить грамоты, которые украсят их абитуриентские портфолио. Сотни часов тренировок, выбеленные от хлора волосы, пот и слезы – и все только ради нескольких напечатанных слов.

– Эй, Пеп. Ты идешь, или мне начать разминку?

Пеп. Я ненавижу это прозвище. Возможно, ненавижу даже больше, чем придуманное Джеком Кэмпбеллом *Пепперони*.

А может, дело не в прозвище, а в человеке, который меня так называет.

– Я уже иду, – сказала я Пудже, убирая рюкзак в шкафчик. У меня такое чувство, что вместе с ним я запираю там Тэффи. И Волка тоже.

Пуджа убрала волосы под шапочку для плавания и показала мне большой палец.

– Как скажешь!

Я подождала, пока она не скрылась за углом, чтобы закатить глаза. Этот обмен любезностями мог показаться окружающим весьма безобидным, но я знала Пуджу – мы с ней во всех сферах в школе идем ноздря в ноздю с того самого момента, как я сюда поступила. Мы получаем практически одинаковые баллы на экзаменах, на заплывах наши результаты отличаются на миллисекунды, и даже одинаково долго консультируемся у учителей. Наше с Пуджей соперничество стало настолько привычной частью жизни, что, я уверена, когда я буду на смертном одре, она позвонит мне и, как обычно, начнет хвастаться, что собирается умереть раньше меня.

Если спор за право умереть первой я готова проиграть, то провести разминку в первый день сезона не позволю ни за что. Я сама заработала право быть капитаном женской команды по плаванию. В этот раз моя победа была абсолютной: я получила больше голосов. Тренер Мартин

сделала Пуджу вице-капитаном, возможно, для того, чтобы смягчить ее настрой, но это только усилило мою решимость не позволить ей свергнуть меня в первые часы нового сезона.

Я направились к чаше бассейна, в воздухе стоял тяжелый запах хлора. Возможно, я не должна сильно любить этот запах, а может, и не люблю. Это тот тип запахов, который причиняет тебе боль, который занимает практически все место в легких и может переместить тебя во времени. Ты можешь быть в своем последнем сезоне, можешь вернуться на пять лет назад, а можешь вообще оказаться в детском бассейне в забавных нарукавниках.

Ностальгия несколько выбила меня из колеи, но я быстро пришла в себя, увидев, что в бассейне уже кто-то занимается – я могла видеть руки и ноги, поднимающиеся из воды в движении.

На секунду я застыла, ужаснувшись, что Пуджа могла уже начать тренировку без меня. Что я буду выглядеть как идиотка перед всей командой, потому что я задержалась из-за этих проклятых твитов. Но затем я увидела, что она, разъяренная, стоит прямо передо мной.

– У нас проблема.

Я проследила за ее сердитым взглядом на стенку бассейна, понимая, что не знаю человека, который держался за бортик и вытряхивал воду из своих очков. Я взглянула на дорожки и увидела, что там плавает учеников пятнадцать – достаточно, чтобы занять большую часть дорожек, что не разрешается, если в бассейне должно проходить занятие, но мало, чтобы быть нашей командой по плаванию.

Кто-то подплыл к тому краю бассейна, где стояли мы с Пуджей, и в развороте так мощно оттолкнулся от стенки, что облил нас водой. Я не могла разглядеть лица, но, кто бы это ни был, он *ухмылялся*, я могла почувствовать это, словно он ухмылялся всем телом. И тогда я поняла, что это не кто иной, как сам Джек Кэмпбелл и его банда неудачников, именуемая школьной командой по прыжкам в воду.

Пуджа все еще пребывала в шоковом состоянии, когда я направились в сторону бассейна, бормоча:

– Я разберусь с этим.

Я набрала побольше воздуха в легкие и с разбега прыгнула в бассейн, практически догнав Джека этим прыжком. Еще через несколько секунд я настигла его и схватила за стопу. Он продолжил работать ногами, будто ничего не чувствовал. Тогда я еще немного ускорила, схватила его за лодыжку и дернула. Очень сильно.

Секунду спустя из воды показался сам Джек и стал трясти своими темными волосами. В этот момент он выглядел очень смешно: без плавательной шапочки, словно мохнатый пес, выпрыгнувший в реку с лодки. Затем он быстро откинул волосы назад, и я смогла увидеть его карие глаза. Он был настолько близко, что я могла заметить, как белки покраснели от хлора.

– Да уж, Пепперони, – сказал он, хватаясь за бортик. – Можно было и без акульего торнадо обойтись.

– И что, по-твоему, ты делаешь?

– Прямо сейчас? Думаю, остановит ли тебя спасатель, пока ты не утопила меня.

– Ты не можешь здесь находиться. Мы зарезервировали бассейн. Кроме того, разве у вас нет доски, с которой вы должны нырять?

Губы Джека растянулись в полуухмылке, словно он собирался сказать что-то, по его мнению, очень остроумное. Обычно я игнорирую подобные нападки, но даже если эта полуухмылка адресована не мне, после четырех лет в одном классе с ним я не могла не замечать ее хотя бы краем глаза, потому что он постоянно нарушает тишину в классе или библиотеке. Джек – это человек, который полностью заполняет собой пространство. Человек, которому не обязательно привлекать к себе внимание, но он все равно умыкнет свой кусочек.

Человек, который нагло занимает дорожки в бассейне и выставляет тебя идиоткой в твой первый день в качестве капитана. И хотя Джеку все эти годы удавалось снять с меня спесь, в этот раз я не могу ему этого позволить, потому что на кону стоит моя гордость.

– Что-то ты слишком много болтаешь для человека, который боится трамплина.

Я прищурилась.

– Не понимаю, о чем ты.

Глаза Джека сверкнули. Мы оба прекрасно знали, что я все поняла.

Команда по плаванию и команда по прыжкам в воду иногда остаются допоздна после пятничных тренировок, чтобы немного расслабиться и поиграть в водное поло с надувным мячом, и выигравшие всегда придумывают тупые задания для проигравших. Собственно, поэтому у меня есть неприятные воспоминания о Джеке, блюющем после отвратительной смеси «Кул-Эйда» с бассейновой водой, и о том, как команде по плаванию пришлось прыгнуть с вышки после проигрыша на первом году обучения.

Правда, я так и не прыгнула. Видимо, у меня инстинкт самосохранения работал сильнее, чем у остальной команды, поэтому где-то посередине пути к трамплину я просто развернулась и стала спускаться вниз. Я даже не помню, как это решение вообще пришло мне в голову. В отличие от Джека, который, кажется, помнил этот инцидент слишком хорошо. Но я не поддавалась на провокацию.

– Ваш сезон еще официально не начался, так что скажи своей команде выметаться из бассейна.

Джек тяжело вздохнул, его ухмылка сошла на нет.

– В этом году Итан наш капитан, – сказал он скорее бассейну, чем мне, – так что с ним и обсуждай.

– У вас все хорошо? – спросил кто-то. – Что-то случилось?

Несмотря на то, что я не была влюблена в Лэндона, мои щеки машинально покраснели, словно его голос – триггер для моего павловского рефлекса. Я обернулась и увидела его у бортика бассейна. Парень все еще каким-то образом сохранил летний загар, хотя была уже середина октября. Он немного подкачался с прошлого сезона, и, судя по тому, как расширились глаза десятиклассниц, заметила это не только я.

– Все в порядке, – ответила я. – Команда по дайвингу уже уходит.

Джек фыркнул.

– Что такое, Итан? – спросил Лэндон.

Мне даже не надо было разворачиваться, чтобы знать, что Джек закатил глаза. Я отпружинила, чтобы подплыть ближе к стенке, в голове голос моей мамы твердил: «Было бы неплохо сделать все, что в наших силах, чтобы расположить их к нам».

Проблема в том, что Лэндон чувствует себя прекрасно и ладит со всеми, где бы он ни находился. Мне и делать ничего не надо.

Я попыталась придумать что-нибудь умное, что оставило бы обо мне хорошее впечатление, но к тому моменту, как я доплыла до бортика, в голове по-прежнему было пусто. Как такое возможно, что я, не задумываясь, закидываю сообщениями парня, которого называю *Волком*, но, когда передо мной стоит человек из плоти и крови, которого я давно знаю, мой мозг отключается?

Я была спасена внезапно вынырнувшим Итаном.

– Извините, ребята, вы сейчас должны заниматься в бассейне? – спросил он.

– Слушай, оставляю это на тебя, чувак, – сказал Лэндон. – Стажировка меня сильно выматывает, так что я бы лучше вздремнул, если ты не против.

Может, мне следовало здесь рассмеяться – второгодки, например, возможности не упустили, – но мои мысли были заняты моим подорванным авторитетом и впившимся в ягодицы

купальником. Среди всех видов спорта, где люди занимаются полураздетыми, плавание – наименее сексуальный.

– Тренер сказал, что нам надо больше тренироваться в предсезонье, чтобы повысить выносливость, – сказал Итан, обращаясь не то к Лэндону, не то ко мне. По крайней мере, у него был извиняющийся вид. – Совместные тренировки, все дела.

– И *где же* ваш тренер? – спросила я.

В это время из вестибюля выглянула тренер Мартин, которая обсуждала с родителями новых членов команды расписание на выходные. Она окинула нас взглядом, но не выглядела удивленной и не спросила, где тренер команды по прыжкам в воду. Тренер Томпкинс настолько редко появляется, что уже практически превратился в миф. Наблюдая, в каком жалком состоянии находится команда по прыжкам в воду первые несколько недель каждого сезона, полагаю, я не должна осуждать их за то, что они пытаются что-то сделать самостоятельно.

Она подошла к бассейну и попросила меня и Итана подплыть к ней.

– Я понятия не имею, когда тренер Томпкинс вернется, поэтому пока что нам придется работать вместе. Вы, ребята, можете после тренировки собраться и обсудить ваше совместное расписание?

– Мы никогда раньше не делили дорожки, – возмутилась я.

Тренер Мартин одарила меня другим своим *«я не знаю, что сказать тебе»* взглядом.

– Технически школа бронирует бассейн сразу для обеих команд, поэтому мы не можем отказать команде по прыжкам в воду. Обсудите это.

Итан кивнул, и мы решили встретиться после занятия в кофейне на углу улицы. Я заранее чувствовала невероятную усталость – если я потрачу двадцать минут на обсуждение с Итаном, у меня будет на двадцать минут меньше на домашнее задание по математике, что значит, я должна буду его доделывать и одновременно отвечать Тэффи на сообщения. И в итоге у меня не останется времени, чтобы поработать над своей заявкой в университет и, конечно же, чтобы пообщаться с Волком.

Я попыталась отбросить последнюю мысль, прежде чем нырнуть обратно под воду. Из всех приоритетов, в которых я сейчас тону, переписка с незнакомым парнем определенно должна быть на последнем месте.

Пеппер

Спустя два часа я чувствовала себя выжатой как лимон. Я достаточно часто тренировалась в межсезонье, так что возврат к школьным тренировкам не был для меня очень тяжелым, но ни одна самостоятельная тренировка не дает и половины нагрузки от тренировки тренера Мартин. Мне едва хватило сил, чтобы добрести до кофейни, что уж говорить о нелепом обсуждении нашего совместного расписания.

Даже если я и не была такой, город сам делал меня нервной. Я заперла себя в своем маленьком мирке, который ограничивался радиусом в семь кварталов: квартира, школа, бассейн через дорогу, пекарня у дома, где я покупаю булочки, неплохая пиццерия, мексиканский ресторанчик и салон, где мама приводит себя в порядок. И мне не нравится выходить за пределы этого мира. Конечно, я понимаю, что затеряться в эру смартфонов трудно. Но весь этот город такой скученный, такой *плотный* – я ненавижу тот факт, что стоит мне завернуть за угол, как я попадаю в абсолютно другой мир, которого не видела прежде, и желание двигаться дальше у меня сразу пропадает. Я ненавижу чувствовать себя так, словно обязана измениться под этот город. Некоторые люди могут свободно лавировать по хитросплетениям улиц Нью-Йорка, но я за прошедшие четыре года так и не привыкла к нему. Я все еще чувствую себя той девочкой в ковбойских ботинках, которая впервые приехала в этот город на грузовике с вещами, – упрямой и неизменяемой.

В Нэшвилле все было старше. По крайней мере, ощущалось таким. Там был центральный район с ресторанами, барами и огромными толпами на летнем музыкальном фестивале СМА¹⁶. Был Восточный Нэшвилл, весь насыщенный, молодой и полный надежд. Был Бельвю, в котором мы жили на окраине города, недалеко от Бель Мида с его вычурно украшенными особняками. И в самом центре города был Центральный парк с огромным Пантеоном, который всегда казался мне сердцем города, словно все дороги вели прямым к нему.

Я скучала по этому. Скучала по ощущению присутствия того, что я знаю: это я в даунтауне, это я дома, это я в ресторане, в самой первой «Высшей лиге бургеров», которая затесалась среди музыкальных магазинов и книжным издательством на Мьюзик Роу. Я скучала по возможности подготовиться к тому, что тебя ждет впереди, и знать, что мне подходит больше. То есть не то чтобы *знать*, потому что, когда ты вырос где-то, тебе не нужно даже думать о том, чтобы подходить этому месту, ты просто подходишь ему, вот и все.

Когда Пейдж приезжает на каникулы из университета и соизволяет остановиться у нас с мамой на несколько дней, она вытаскивает меня посмотреть город. Мы пробовали рамен в Ист-Виллидж, глазели на витрины в Сохо, брали чудачковатые исторические туры по городу, которые начинались в каком-нибудь парке. Но поскольку они с мамой не особо разговаривают, в последнее время я просто я – крыса, запертая в клетке и мечтающая о том, чтобы поход в незнакомую кофейню не приводил меня в ужас.

Как только я зашла внутрь, то за столиком у окна увидела человека с чашкой кофе. На парне была кепка Итана, на плечах – рюкзак Итана, а на его стуле висела курка Итана. Я подошла и скрестила на груди руки.

– Ты правда думал, что со мной пройдет эта штука из «Ловушки для родителей»?

Джек поднял голову, выражение его лица было разочарованным, словно он был маленьким ребенком, а я лопнула его воздушный шарик.

– Что меня выдало?

Я махнула рукой на его худошавую фигуру.

– Твоя джековость.

¹⁶ СМА – ежегодный музыкальный фестиваль кантри-музыки в Нэшвилле.

– *Джековость?*

– Ну, и еще немного то, что ты придурок.

Я ухмыльнулась – небольшой знак временного перемирия, – и он улыбнулся в ответ. Его улыбка была такой бессовестной, что я мигом встрепенулась и отвела взгляд.

– И где же твой *брат*? Он тоже принял участие в твоём розыгрыше? Потому что если он такой же, как ты, то я хочу избавиться от вашего общества поскорее.

Джек махнул головой в сторону окна.

– Голова Итана занята свиданием со Стивеном Чиу на ступеньках перед Метрополитеном.

– Поэтому он отправил *тебя*?

Джек пожал плечами.

– Мой брат – важный чувак, если ты не заметила.

Еще как заметила. Трудно было не заметить. Итан – настоящая душа компании: всегда найдет для каждого хорошие слова и решит любую проблему. Собственно, поэтому я и надеялась, что встреча пройдет быстро. Чего нельзя ожидать от Джека, который никогда не страдает угрызениями совести из-за пустой траты чужого времени.

Телефон завибрировал у меня в рюкзаке, и я с запозданием поняла, что не проверяла его на наличие новых сообщений с того момента, как ушла в бассейн. Я бросила рюкзак на стул, попросила Джека присмотреть за ним, пока я закажу себе чай, и разблокировала телефон.

Девять сообщений. *Вот черт.*

Самые последние были от мамы: «Где ты??» и «У тебя все хорошо?» Мне стало немного дурно: я даже не упоминала при маме о сегодняшней тренировке, потому что не ожидала, что она будет дома. Но затем я пролистнула сообщения и поняла, что хотя она и волнуется за меня, но за «Твиттер» нашей компании переживает еще сильнее.

Я написала ей короткое сообщение, в котором говорилось, что я жива, и открыла сообщения от Тэффи, которая – спасибо, Вселенная, – помнила, что у меня занятие в бассейне, так что сильно меня скриншотами не закидывала.

Я была застигнута врасплох в тот момент, когда расплачивалась за чай. По всей видимости, одна крохотная местная кулинария обвиняет «Высшую лигу бургеров» в том, что мы украли ее рецепт сырных тостов, и их твит уже собрал десять тысяч ретвитов. Один аккаунт, посвященный защите малого бизнеса, даже адаптировал наш хештег, так что теперь там трендится #Уничтожение ОтВЛБ.

Дерьмо. В интернете все новости разлетаются со скоростью света.

«Твоя мама хочет, чтобы мы написали что-нибудь дерзкое в ответ», – написала мне Тэффи, что на ее языке означает: «Я знаю, что это ужасная идея, но твоя мама мой босс, и я боюсь ей перечить».

Полагаю, тогда это должна сделать я. Я написала маме сообщение, которое, как я надеялась, звучало вполне мирно, где говорится, что я считаю, нам надо либо оставить это без внимания, либо подождать подходящего момента и посмотреть, должны ли мы будем принести извинения или все само разрешится. Я, конечно, не спец по пиару, но нападки на маленькую кулинарию, у которой и подписчиков-то в «Твиттере» практически нет, не украсят репутацию такого голиафа, как «Большая лига бургеров», от слова совсем.

Мама позвонила, когда бариста передавал мне чай. Она начала говорить раньше, чем я успела поздороваться:

– И каким, по-твоему, должен быть следующий шаг?

Я встала сбоку от прилавка и поддела крышку стаканчика, чтобы добавить в чай сахар и молоко. Украдкой посмотрела в сторону столика, чтобы проверить, на месте ли Джек и в безопасности ли мои вещи, но он просто сидел и пялился в окно, отбивая ногой бит музыки, которая играла у него в наушниках.

– Я не думаю, что нам надо отвечать на их твит, потому что люди сейчас сильно возмущены.

– Что ж, пусть возмущаются сколько влезет, – пренебрежительно сказала мама. – Мы не оставим это дело без внимания.

– Хорошо, но ты не думала о том, чтобы обсудить этот инцидент с владельцами кулинарии лично, а не строчить твиты?

– Не вижу смысла разговаривать с кафешкой, которая пытается привлечь к себе внимание. Придумай что-нибудь, чтобы можно было им ответить. Я не могу сейчас тратить время впустую.

Это словно был удар под дых через трубку. Я схватила свой чай, который оказался таким горячим, что обжег мне ладонь, но я надеялась, что это поможет мне прийти в себя. Я хотела что-нибудь ответить маме, но понимала, во что это выльется: именно так и начиналась ссора между Пейдж и мамой. Одна начинала заводиться, вторая отвечала, и в итоге Пейдж слонялась по Центральному парку, а мама по телефону консультировалась с папой, как ей решить проблему с Пейдж.

Я не хочу проходить через это. Отношения между нами четыремья и так не сахар.

– Просто... Не знаю, отправь ту гифку с Гарри Поттером. В которой говорится: «Извините, но кто вы такой?»¹⁷

Последовало секундное молчание.

– Ты движешься в правильном направлении, но мне нужно что-нибудь более смелое.

Я закрыла глаза.

– Хорошо. Я напишу тебе что-нибудь еще.

Я писала сообщения со своими идеями маме и Тэффи по пути к столику, за которым сидел Джек, настолько похожий на себя, что было очень глупо с его стороны пытаться прикинуться кем-то еще.

Я не могу врать: несмотря на его глупые выходки, наблюдать за ним и его братом так увлекательно. Как два человека могут быть так похожи внешне, иметь одинаковые лица и даже тембр голоса, но так по-разному преподносить себя окружающему миру? Если Итан внешне хладнокровный и хорошо владеющий собой, словно политик какой-то, то Джек как открытая книга – его взгляд беспечный и раскованный, он вечно раскидывает свое долговязое тело на стуле так уверенно и расслабленно, будто он, в отличие от многих сверстников, уже разобрался в себе и принял себя. У него такие выразительные и честные темные брови, что его попытки одурачить меня просто смехотворны.

Пока я, сама того не желая, пялилась на него, Джек очень громко отпил свой кофе.

– Итак, бассейн.

Я наклонилась к нему. Мы два абсолютно разных человека: жесткая и невозмутимая я и вечно расслабленный Джек, выдерживающий мой взгляд с едва заметным весельем.

– И чего же хочет ваш тренер?

– Итан сказал, что нам надо плавать на дорожках как минимум полчаса каждый день.

Бассейн у нас забронирован всего на два часа в день. Каждый год, помимо этого, команда по прыжкам в воду занималась в бассейне с вышкой, а все дорожки доставались команде по плаванию. Часть меня подумала, что это изощренный способ тренера Томпкинса досадить нашему тренеру: всем известно, что они не ладят, особенно когда речь идет о разделении бюджета между нашими командами, – но это не значит, что мы не найдем решения этой проблемы.

– Как насчет такого: вы получаете бассейн на двадцать минут в день, – предложила я. – На последние двадцать минут от забронированного времени.

– И что же будет делать команда по плаванию в это время?

¹⁷ Этот вопрос Гарри задал Хагриду при их первой встрече.

– Мы будем делать упражнения на суше. Отжимания, приседания – в таком духе.

– И ты будешь проводить эту часть тренировки?

– Я попрошу Лэндона помочь мне с этим.

Джек вздохнул.

– Тогда мы, получается, договорились.

Я удивленно моргнула. Я знаю Джека не очень хорошо, но никогда бы не подумала, что он может быть таким... здравомыслящим.

– Хочешь, пойдем разыграем моего брата?

Чего и следовало ожидать.

Мой телефон завибрировал на столе – пришло сообщение от Тэффи, она писала, что она сейчас на совещании. Тут же мне написала мама и попросила зайти в аккаунт нашей сети и самой опубликовать твит.

Я немного подождала, не понимая, откуда появился укол вины. Это не мое дело, не мой аккаунт. Это вообще меня не касается. Я просто инструмент для набора текста.

Высшая лига бургеров @B1gLeagueBurger

В ответ @GCheesing

Голосом мисс Норбери

Разве ты из нашей школы? Иди домой

4:47 PM · 20 окт. 2020

После публикации твита я почувствовала себя... грязной. Словно я сделала что-то неправильное.

– Они примерно в трех кварталах от нас.

Я положила телефон на стол экраном вниз.

– Я знаю, где находится Метрополитен. – Голос прозвучал излишне оборонительно даже для меня.

Но Джек, казалось, даже не заметил этого.

– Так что? – спросил он.

У меня аж все тело зудело от желания зайти обратно в аккаунт сети и посмотреть, как люди отреагировали на мой твит. Как бы странно это ни было, я не могла отделить себя от компании, хотя сейчас она совсем не похожа на то, что было в самом начале. Когда я была маленькой, мне казалось, что ресторан целиком и полностью принадлежит *мне*. Мы с Пейдж обожали его – каждый работающий в нем человек знал нас по именам, они позволяли нам экспериментировать с рецептами молочных коктейлей на кухне, кормили нас картофелем фри, когда родители задерживались на совещаниях. Сейчас же франшиза такая огромная – она далека от меня и моих кулинарных прихотей, но не имеет значения, как далеко мы зайдем, я не могу сделать вид, что это не часть меня.

Сегодня уже ни на чем не получится сконцентрироваться из-за огромного количества уведомлений. Сама мысль об этом наводила на меня усталость, поэтому последнее, чего мне хотелось, так это идти домой.

- Да. Да, пойду.
- Джек моргнул.
- Seriously?
- Почему нет?

Пеппер

Мы взяли свои напитки и покинули кофейню, и, как только мы вышли в прохладный октябрьский вечер, мне пришло в голову, что я понятия не имею, что сказать Джеку. Мне обычно не приходится вести непринужденные беседы с людьми, потому что в школу я иду одна, из школы тоже, а в остальных случаях я, как правило, нахожусь в какой-нибудь группе людей.

Но Джек Кэмпбелл не был бы собой, если бы не решил эту проблему.

– Кстати, откуда ты родом?

Я вздрогнула. Не то чтобы я врала насчет этого или что-то в этом роде, но после реакции первых нескольких людей, которым я сказала, что приехала из южного города, я решила больше это не афишировать.

– Я выгляжу как белая ворона?

– Вовсе нет. Меня, наоборот, пугает то, как ты подходишь этому месту.

Я не была уверена, сделал он мне комплимент или оскорбил, но по желчным ноткам в голосе я пришла к выводу, что второй вариант верный. Джек прочистил горло и немного смягчил тон:

– Но на первом году в старшей школе ты была одной из двух новеньких, поэтому я и предположил, что ты переехала.

Я даже не знала, смущаться мне или гордиться. Я остановилась где-то между этими вариантами.

– Нэшвилл.

– Ого. – Джек словно задумался над этим, языком оттягивая щеку изнутри. Я могла увидеть, что что-то менялось в его отношении ко мне, и незнание меня напрягало.

Я прокашлялась

– Если ты собираешься отпустить шуточки про ковбоев, побереги их для другого случая.

– Не-а, я хотел пошутить про Тейлор Свифт.

– Тогда я готова тебя выслушать. Но будь осторожен. Я обожала ее, пока она исполняла только в стиле кантри.

– Обожала?

На его лице опять появилась полуулыбка. Мне стало интересно, умеет ли Джек улыбаться нормально. В старости у него, видимо, будут морщинки у рта только с одной стороны.

– Обожаю, – призналась я.

Буквально два дня назад мы с Пейдж горланили Shake It Off так громко в нашей совместной с папой конференции в «скайпе», что он стал грозиться тоже начать петь, если мы не успокоимся. Но у него с обеих сторон есть соседи, поэтому нашим гражданским долгом было заткнуться.

Мы завернули за угол и вышли на Пятую авеню, которая была более пустой, чем я видела ее на выходных. В этот день здесь в основном были туристы и бегуны, тренирующиеся после работы.

– А ты откуда родом?

– Родился и вырос, – сказал Джек, махнув рукой в сторону центра города. – Мы живем в Ист-Виллидже. Примерно со времен моей прабабушки.

Я внезапно почувствовала боль. Неприятная боль от тоски – мои бабушки и дедушки по обеим линиям все еще жили в Нэшвилле. Выглядит так, словно все корни моей семьи были в Нэшвилле, словно у нас не было никакого веского основания уезжать оттуда. И даже спустя четыре года после переезда я с трудом принимаю это.

Я убрала челку за ухо, но она опять упрямо выскочила обратно. Мои волосы не бывают более непослушными, чем после тренировки, когда я не могу их нормально уложить.

– Ты словно единорог.

Джек повернулся ко мне.

– Что?

– Когда ты в последний раз в Нью-Йорке встречал коренного ньюйоркца?

Он рассмеялся.

– Здесь? Не так уж много, – сказал Джек. – Но там, откуда я... что ж. Ты можешь встретить гораздо больше ньюйоркцев в даунтауне, чем здесь.

Уму непостижимо, насколько Итан и Стивен были поглощены друг другом – они вместе выглядели как произведение искусства, поэтому я не сразу заметила окружающую обстановку: упоительно сладкий запах арахиса, который продавался на улице; огромный фонтан; толпу детишек, носящихся по знаменитым ступеням Метрополитена. Эти двое не замечали ничего вокруг, целуясь так, словно один из них собирается на войну.

Я прижала ладонь к груди раньше, чем осознала, что делаю, как будто я смотрела одну из тех глупых романтических комедий, которые Пейдж включает каждый раз, когда приезжает.

– Оу. Давай не будем их трогать.

– Чего? И что в этом будет веселого? – простонал Джек.

– Они выглядят счастливыми.

– Они *выглядят* так, словно им не помешало бы уединиться, – сказал Джек. Тем не менее он первый развернулся и направился в обратном направлении, качая головой с удрученной улыбкой на лице. – Я должен был догадаться, что из тебя выйдет ужасный напарник по розыгрышам.

– Ну и как ты их собирался разыграть тогда?

– Полагаю, ты этого никогда не узнаешь, – сказал он, пихнув меня локтем в плечо.

Я отшатнулась и толкнула его в ответ, не задумываясь – движение такое безрассудное и естественное, что только после того, как оно произошло, я на мгновение перестала дышать, чувствуя, что пересекла какую-то невидимую черту. Временами мне казалось, что я общаюсь со всеми через какую-то вуаль – словно мне разрешалось быть здесь, но не поощрялось. Смотреть, но не трогать. Словно порядок общения был заведен здесь задолго до моего появления, и за каждую возможность стать частью этого порядка я должна благодарить людей, принадлежащих этому месту.

Но Джек только одарил меня своей фирменной полуухмылкой, пока мы шли обратно по Пятой авеню.

– Что ж, поскольку капитаном команды по прыжкам в воду сейчас являюсь я...

– В самом деле?

– Как ты могла заметить, Итан сейчас заинтересован в несколько иной форме задержки дыхания.

– Поэтому ты решил выдвинуть себя на его должность?

Джек фыркнул, его ухмылка приобрела новый оттенок.

– В чем прикол иметь однояйцевого близнеца и не перекидывать на него свою работу время от времени?

Я заглянула ему в глаза.

– Но это же нечестно.

Джек, что было для него несвойственно, замолчал, глядя на группу детишек, очень усердно позирующих, видимо, своему папе, который бегал вокруг них и без остановки щелкал затвором.

– Да, но мне, собственно, ничего другого не остается. – Он облизал верхнюю губу. – Итак, наверное, нам стоит начать обсуждать идеи по поиску спонсоров. Пока тренеры не начали капать нам на мозги по этому поводу.

– Да, наверное.

– О чем еще мы должны договориться?

Я понятия не имела, насколько серьезно я должна к этому отнестись. Джек действительно собирается выполнить обязанности Итана и позволить брату присвоить эту заслугу себе? Я люблю Пейдж больше всего на свете, но я даже представить не могла, чтобы я тратила столько времени, выполняя ее обязанности, когда мне надо приложить все усилия, чтобы понравиться приемной комиссии колледжа.

– Э-э-э... Так, спонсоры. И выбор вариантов командных футболок для голосования в этом году. Предполагалось, что мы с Итаном будем встречаться каждую неделю и планировать сборы: рассылать запросы в другие бассейны для выездных встреч и определяться, кто обеспечивает перекусы. А еще писать новостную рассылку для родителей. – Я была уверена, что он перебьет меня в любую секунду и отправит коту под хвост потраченное на объяснения время, но он просто смотрел на меня и внимательно слушал. – В общем... дел много.

Джек не упустил ничего.

– Спонсоры, футболки, письма, закуски. Понял. – Он бросил взгляд в ту сторону, где находился Итан, хотя мы уже и не могли его видеть. – Как насчет того, чтобы мы заскочили куда-нибудь перекусить после тренировки?

Я остановилась.

– Ты меня на свидание приглашаешь?

Озорство в его взгляде заставило меня пожалеть о своих словах раньше, чем я закончила предложение. Я собралась с духом, уверенная, что он сейчас выкинет какую-нибудь мальчишескую штуку, о которых меня предупреждала Пейдж, типа: «*Вау, какого ты высокого мнения о себе*», – или что-то в таком духе. Он потянулся и сказал:

– Я, конечно, не это имел в виду, но раз уж ты подняла эту тему...

Я скрестила руки на груди.

– Не свидание, – сказал Джек, примирительно подняв руки, его коронная ухмылка не покидала лица. – Просто обсудим планы на сезон. Мы можем собираться раз в неделю, как вы с Итаном и собирались делать.

Я ненадолго задумалась над его словами, ища в них подвох. Но не найдя ничего, я протянула ему руку для рукопожатия. Он поднял брови. Я подняла свои в ответ.

Затем он схватил мою руку и официально пожал ее. Было в этом что-то теплое и уютное, что-то похожее на отличие между прошлым Джеком Кэмпбеллом и нынешним Джеком Кэмпбеллом. словно я все это время думала о нем неправильно.

Джек закинул свой рюкзак на плечо и оглянулся в сторону Семьдесят восьмой улицы.

– Мне до дома на шестом поезде. До завтра?

– Да, до завтра.

И только тогда я поняла, что мы вышли за пределы моего семиквартального пузыря. Я с минуту стояла на тротуаре, чувствуя себя максимально глупо и пялясь Джеку в спину, пока он стоял на светофоре, словно он был для меня неким подобием компаса. Он был еще на расстоянии слышимости, когда достал телефон из кармана, пролистнул что-то и громко выругался.

Я дотронулась до своего телефона, прожигающего карман. Пришло время нам обоим вернуться в реальность.

Джек

Волк

«Ты когда-нибудь делала что-нибудь невероятно глупое?»

Сиалия

«Нет, ты что. Я идеальна и никогда не совершала тупостей в своей жизни».

Сиалия

«Но, если честно, я делаю их постоянно, просто 24/7».

Волк

«Мои родители сейчас немного не в восторге от меня. По крайней мере папа точно. Мне кажется, мама тайно меня поддерживает, но не может переступить через родительскую солидарность».

Сиалия

«И за что же ты впал в немилость?»

Волк

«Да как обычно. Продавал тяжелые наркотики. Вступил в секту. Открыл подпольный бойцовский клуб для подростков, только по его правилам ты ДОЛЖЕН говорить о нем¹⁸. Даже не знаю, чего родители не могут от меня отстать».

Сиалия

«Серьезно. Секта – это большое обязательство. Им следует проявить больше уважения».

Сиалия

«Но я понимаю тебя. Я тоже сейчас испытываю родительское давление».

Волк

«Из-за колледжа?»

Сиалия

«Хах. Если бы».

Волк

«Вступление в бойцовский клуб делу не поможет?»

Сиалия

«Сейчас, когда ты сказал об этом...»

Сиалия

«Эх, я даже не знаю. Иногда мне кажется, у нас с мамой совсем разные представления о том, что мне следует делать со своим временем и жизнью в целом».

¹⁸ «Первое правило бойцовского клуба: никому не рассказывать о бойцовском клубе» – цитата из фильма «Бойцовский клуб», основанного на одноименном романе Чака Паланика.

Волк

«Да. Представляю».

Волк

«У меня примерно та же проблема с родителями».

Сналия

«И чем ты хочешь заниматься?»

Сналия

«Ха-ха, звучит так глупо. Типа, “Кем ты станешь, когда вырастешь?”, но, мне кажется, это вполне подходит к нашей ситуации, правда?»

– Тебе лучше отложить телефон, пока отец тебя не увидел.

Я подскочил.

– Господи, мама, ты как гребаный ниндзя.

– Бывшая балерина, но комплимент засчитан, – криво усмехнулась она. Она вытянула телефон у меня из рук. – Думаю, ты уже достаточно дел натворил для одного дня.

Справедливо. Я мог оттягивать возвращение домой тренировкой и сымпровизированной прогулкой с Пеппер, но это не избавило меня от папиных лекций о высоких материях. Он даже не ждал, пока я поднимусь по ступенькам в нашу квартиру над кулинарией – он просто показал большим пальцем в сторону подсобного помещения. Сейчас мы там готовим ингредиенты для сэндвичей между сменами или делаем домашнее задание в часы затишья. Но все чаще оно используется в качестве папиного лектория.

И самой неприятной частью этой лекции была ее причина – я не сделал ничего серьезного, в отличие от многих моих сверстников: не угонял байк, как это сделал наш сосед сверху, и меня не ловили в парке за употреблением наркотиков, как одну из наших постоялиц, например. Я просто опубликовал этот тупой твит.

– Ты же прекрасно знаешь, что мы далеки от такого ведения дел. – Отец так редко отчитывает меня, что наблюдать за его попытками выглядеть грозно было просто забавно. – Мне вообще не нравится, что у нас есть аккаунты в «Твиттере» и «Фейсбуке».

– А как иначе люди узнают о нас? – спросил я его в миллионный раз.

– Так же, как они это делали последние шестьдесят лет. При помощи живого общения, а не ваших интернет-наживок.

У меня в голове не укладывалось, как мой отец может выглядеть настолько молодо и модно, что некоторые покупатели принимают его за нашего старшего брата, но при этом быть таким отсталым и упрямым в отношении социальных сетей и интернета. Говоря начистоту, наша еда настолько восхитительна, что она просто *обязана* появляться в этих глупых кулинарных обзорах и вирусных видео с едой. Я буквально видел, как у людей слезы на глаза наворачиваются от восхищения, когда они откусывают наши сэндвичи. Просто уму непостижимо, как сыр в наших сырных тостах может *так* таять во рту. Нам бы всего несколько хороших постов в «Инстаграме», несколько грамотных твитов...

Людям давно пора вылезти из пещеры неведения навстречу нашим сэндвичам, это уж точно.

Но я не могу сказать это отцу в лицо. Наши родители считают, что мы с Итаном не в курсе, что дела у нашей кулинарии идут не очень, и занимаются финансовыми вопросами только тогда, когда нас с Итаном нет в поле зрения, и я знаю: это одинаково связано как с гордостью отца, так и с его желанием защитить нас. Но пренебрежение моими идеями делает ситуацию только хуже.

– И кроме того, – сказал папа, – этот твит перешел черту.

– Я не думал, что эта вонючая Маригольд ретвитнет его.

– Это и без нее было перебором. Мне не нужны проблемы с другими ресторанами, особенно с... – Папа оборвал себя на полуслове и покачал головой. – Сейчас твой твит стал вирусным, – продолжил он, показав кавычки в воздухе, – поэтому удалить его уже не получится. Особенно после их ответа.

– Их *чего*?

Я схватил свой телефон, и отец тут же стал предупреждать меня не совершать других глупостей и не писать ничего в ответ. Но почему мы не можем ответить? Тупая цитата из «Дрянных девчонок» в ответ на то, что они украли наш рецепт? Как это называется?

– Это твиттерский аналог плевок в лицо бабушки Белли. И ты хочешь просто оставить это?

Папа накрыл лицо ладонями.

– Разводить драму вовсе не обязательно.

Я остолбенел от его слов. Возможно, он не такой сорвиголова, как я, но во всем мире вы не найдете более рьяного защитника бабушки Белли, чем мой отец. Я уже было открыл рот, чтобы напомнить ему об этом, но он меня опередил:

– Никаких больше твитов. Твой лимит исчерпан.

– Но, папа...

– Я все сказал. – Он неожиданно поднялся и положил руку мне на плечо. – Однажды ты встанешь у руля, Джек. И я должен быть уверен, что с тобой наш бизнес будет в хороших руках.

Я побледнел. Папа уже повернулся ко мне спиной, поэтому не увидел мою перекошенную гримасу, которую я не смог сдержать – за последние пару лет его намеки на то, что именно я останусь работать в кулинарии, стали все меньше походить на намеки и все больше на факты.

– Кстати, ты всю неделю будешь работать за прилавком по вечерам.

– Серьезно?

Все оказалось гораздо лучше, чем я ожидал. Забавно то, что папа сначала сказал мне, что видит во мне будущего преемника нашей кулинарии, а затем использует эту самую кулинарию в качестве наказания. Я вижу в этом словесное подтверждение еще одной не озвучиваемой мысли – Итану предназначено великое будущее, а моя участь ограничивается кулинарией.

– Считаю, что ты счастливчик. В следующий раз, когда тебя ретвитнет поп-звезда восьмидесятых, твое наказание увеличится до месяца.

– Они просто обокрали нас, – огрызнулся я. Я прекрасно понимал, что это никак не поможет в данной ситуации, но меня это больше не волновало. Наказание озвучено. Только вот злость по-прежнему никуда не делась.

Отец вздохнул, затем хлопнул меня по плечу и сжал его. Весь его вид буквально кричал: «Отцовство испытывает меня на прочность». Точно такое же выражение лица он делал, когда я или Итан задавали ему вопросы, на которые он не знал, как ответить, вроде настоящий ли Пасхальный Кролик или почему студенты колледжа так странно пахнут, когда заваливаются к нам в кулинарию после четырех вечера по средам. (Сейчас я уже понимаю, что это запах алкоголя.)

– Я знаю, парень. Но у нас по-прежнему есть то, чего нет у них.

– «Секретного ингредиента»? – пробурчал я.

– Именно. И нашей семьи.

Я наморщил нос.

– Извини. Пришлось заговорить словами из мультфильмов, чтобы как-нибудь отвлечь тебя. Иди помоги маме.

Собственно, так я и оказался здесь, прикованный к прилавок и принимающий заказы от пожилых леди, которые заседают в клубе книголюбов по вечерам понедельников, детишек,

возвращающихся с футбольной тренировки, и группы хихикающих школьников, которые расплачивались четвертаками. Просто предел мечтаний.

Ладно-ладно, эти клише притянуты только из-за возложенных отцом ожиданий. На самом деле мне очень даже нравится сидеть за прилавком. Моя популярность в школе ограничивается только командой по прыжкам в воду, на что я никогда особо не обращал внимания. Возможно, не обращал потому, что *здесь* люди знают меня. Если бы в каждом квартале Нью-Йорка была своя местная знаменитость, в нашем это, скорее всего, был бы я. Не из-за каких-то выдающихся качеств, а по той причине, что мы с Итаном росли на глазах наших клиентов, и из нас двоих я самый болтливый и любопытный. Я знаю очень много о личной жизни наших постояльцев – о том, как работает пищеварительная система собаки миссис Харвэл; грязные подробности свадьбы мистера Кармайка, которые привели к еще более грязному разводу; я даже в курсе, какие фрукты ест Энни – я познакомился с ней, когда ей было шестнадцать, но сейчас ей уже тридцать, – чтобы, как она выражается, «убедить ее матку снести яйцо с девочкой в следующий раз».

И обо мне они тоже знают достаточно. Инженер, который заглядывает к нам по средам и пятницам за сэндвичем с тунцом после работы, всегда помогает мне с математикой, если я чего-то не понимаю. Дамы из книжного клуба всегда подкармливают меня домашним печеньем с арахисовым маслом, хотя я и живу в окружении огромного количества еды. Энни постоянно дает мне непрошенные советы об отношениях с тех пор, как мой голос стал ломаться.

Так что я совсем не понимаю, почему папа в качестве наказания отправил меня именно за прилавок, словно мы с Итаном не торчали здесь каждый день с самого детства. Не то чтобы у нас был недостаток персонала – отец просто всегда был поглощен идеей о семейном бизнесе, поэтому мы и привлекались к работе в кулинарии. С шести лет мы кричали заказы поварам на кухне и протирали столы по большей части оттого, что клиенты находили это милым и продолжали приходить к нам даже летом. Сейчас же родители заставляют нас делать абсолютно все, начиная от работы за прилавками и заканчивая разработкой новых начинок для сэндвичей.

Что ж, под «нами» я в большей степени подразумевал себя. Именно меня заставляют брать смены, если не хватает людей. И я прекрасно понимаю почему – Итан слишком занят заседаниями студсовета и факультативами, да и просто тем, что является принцем нашей школы. Но меня несколько обижает тот факт, что лишь потому, что я не вхожу в дискуссионный клуб и у меня нет человека, с которым я мог бы встречаться на ступенях Метрополитена, мое время перестает быть таким же ценным, как время Итана.

Полагаю, чтобы сохранить душевное спокойствие родителей, мне не стоит говорить им о том, что я подрабатываю посредственным разработчиком приложений. И для моей же безопасности я вообще не должен заикаться об этом сейчас, когда Ракер открыл охоту на ведьм, а отец похож на пришельца из шестидесятых больше, чем когда-либо.

– О чем задумался? – спросила мама, когда очередь покупателей закончилась.

Я оперся о прилавок и вздохнул.

– Просто бесплодно пытаюсь управлять миром без телефона в моем кармане.

Мама закатила глаза и шлепнула меня полотенцем, которым она протирала столы.

– И кому ты пишешь так часто? – спросила она, лишний раз напоминая, что от ее взора ничто не ускользнет. – О, дай угадаю. Ты общаешься с кем-то в том «Вузле».

– «Визле».

– Ой, точно, «Визле».

Если маминым самым любимым занятием было насмехаться над письмами Ракера, которые тот шлет родителям, то номером два у нее шло притворяться модной и классной. И в этом она преуспевает лучше, чем большинство родителей, потому что она и *есть* классная. Она может заявиться на родительское собрание к увешенным жемчугом и драгоценными камнями мамочкам из Верхнего Ист-Сайда в одних только джинсах и футболке с надписью «Мамины

тосты», но все равно устрашать всю комнату одним только взглядом. Словно ее клево́сть просачивается сквозь кожу.

Хорошая новость – классность передается генетически. Плохая новость – Итан забрал ее себе без остатка еще в утробе.

– Мне уже стоит бить тревогу? Вы, ребята, используете этот мессенджер, чтобы захватить школу и посадить на место Ракера человека, который хотя бы носит штаны из нашего века?

– Отличная идея.

Мама ухмыльнулась.

– Всегда пожалуйста.

Временами мама так сильно противится власти, что я понять не могу, почему она так настаивала на том, чтобы мы с Итаном пошли в частную школу для элиты. Но, полагаю, это скорее было сделано ради бабушки с дедушкой – маминых родителей, а не бабушки Белли. Они никогда не были согласны с тем, чтобы мама вышла замуж за нашего папу. Насколько я знаю, они постоянно таскали ее с собой по приемам, чтобы она стала женой «напоказ» какого-нибудь богатого банкира. Думаю, отправив нас с Итаном в Стоун Холл, она хотела сказать, что не отказывается от своих корней, как и наш папа привязан к своим корням.

Пологаю, такая же участь ждет и меня.

– Пока вашей безопасности ничего не угрожает...

Я фыркнул.

– Мам, это даже глупее «Снэпчата». Ребята просто постят здесь картинки, рисуют граффити и смеются над Ракером.

– Так ты, значит, сидишь там.

Я закатил глаза.

– Да все там сидят.

Она одарила меня взглядом, который использует крайне редко, словно она откинула часть меня, как капот у машины, и внимательно изучает содержимое. Что-то глупое внутри меня хотело рассказать ей все. *Я создал это приложение, хотелось сказать мне. Я создал его без чьей-либо помощи, и сейчас «Визл» делает людей счастливыми.* Я хотел рассказать о Мел и Джине, целующихся в школьном коридоре сегодня утром. Хотел рассказать об ученике, у которого случился нервный срыв из-за лабораторной по химии, и как минимум двадцать человек поддержали его или ее в общем чате школы. Я хотел рассказать маме, что в своей странной манере я сделал нечто, что несет *добро* в мир, нечто, имеющее большое значение для окружающих.

Этот взгляд. Вечно я сдаюсь под ним и начинаю нести чушь, о которой следовало бы умолчать.

– Но да, я переписывался с одной девочкой из школы.

Слова вылетели из моего рта быстрее, чем я успел подумать. Я стараюсь не думать о Сиалии постоянно, чтобы не разрушить наше общение, и при этом продолжаю недооценивать, насколько сильно она проникла в мой мозг, вплоть до моментов вроде этих – когда я слишком открыто пялюсь на одноклассницу, набирающую что-то на телефоне в холле, или не сплю практически до самого утра, стараясь придумать какой-нибудь остроумный ответ на сообщение Сиалии, или внезапно рассказываю маме о ее существовании.

– Ага! Итан сказал мне, что видел тебя с какой-то девочкой. – Она примирительно подняла руки, стоило ей увидеть мое негодующее выражение лица. – Твой папа искал тебя, но ты не отвечал на звонки, поэтому он позвонил Итану.

– Удивительно, что он смог оторваться от своего занятия и ответить на звонок, – пробурчал я. В отличие от Итана, я не собираюсь рассказывать маме что-либо о нем без предупреждения. – И это была его вина, что я встретился с ней. Мы обсуждали проблемы наших команд по плаванию и прыжкам в воду.

– Так вы встречаетесь?

– Нет!

Мама подняла брови. Ладно, признаю, прозвучало слишком уж оборонительно.

– Я хотел сказать, нет, мы не встречаемся. Пеппер несколько далека от отношений, ее больше интересует учеба.

Я хотел отпустить какую-нибудь колкую шуточку о Пеппер, но решил, что это было бы не совсем честно. Сегодняшняя встреча мне даже понравилась. Я предложил ей разыграть Итана лишь для того, чтобы немного поднять ей настроение – я не ожидал, что она захочет прогуляться после наших обсуждений. Или захочет работать со мной на пару. Ее согласие настолько вывело меня из душевного равновесия, что я готов взять на себя обязанности капитана команды по прыжкам в воду на весь сезон.

Упс.

– Вот видишь! Детям вовсе не обязательно сидеть в этом вашем новом приложении, чтобы заводить друзей.

И момент был упущен – тот ненормальный порыв рассказать маме о «Визле», о загадочной Сиалии, о том, чем я *действительно* занимался по ночам за закрытой дверью.

Но правда в том, что мне кажется, словно я предаю ее. Обоих родителей. Представьте, они рассчитывают на меня, ждут, что я буду тем ребенком, который останется и возьмет бразды правления нашим бизнесом в свои руки. Я был почти благодарен маме за то, что она забрала у меня телефон раньше, чем я успел ответить Сиалии – проблема не в том, кем я хочу быть, а в том, смогу я или нет сделать это, не причинив кому-либо боль.

Пеппер

Когда на следующее утро прозвенел мой будильник, происходящее показалось шуткой. Возможно, я была первым человеком за всю историю, у которого было твиттерское похмелье.

Как я предполагала, стоило мне зайти в квартиру, как мама пихнула мне под нос свой ноутбук с просьбой помочь им отвечать на селфи с тегом #ПрожаркаОтВЛБ, которые люди присылали в огромном количестве, несмотря на наш вчерашний ответ той кулинарии. Сидеть дома и получать всю ночь уведомления от людей, пишущих аккаунту нашей сети, было интернет-эквивалентом сидению на шутовском стуле и получению гнилых помидоров в лицо.

Я практически не смогла переписываться с Волком, а мое домашнее задание по математике выглядит так, словно пьяный человек наскреб его на бересте. Про заявку в колледж вообще молчу. Пусть это будет наказанием маме за то, что втянула меня в эти «разборки в маленьком Токио». Это она перевезла меня сюда, поэтому, если после элитной школы я не поступлю в топовый колледж, все старания будут насмарку, ведь весь день я не готовилась к поступлению, а рассылала глупые гифки незнакомцам.

Мгновение я просто лежала на подушке и думала о том, что может произойти дальше. Мы никогда особо не обсуждали мои школьные оценки и поступление в престижный колледж: от меня это всегда просто ожидалось. Полагаю, это началось в тот момент, когда начался раскол между мамой и Пейдж. Мама переживала из-за глупых выходок сестры, вечных ссор, отказа Пейдж заводить здесь друзей, потому что старые остались в Нэшвилле, и ее коронного номера – *«Мне уже восемнадцать»*. Но, когда я стала приносить из школы хорошие оценки, мама, по крайней мере, выглядела счастливой. Она радовалась, когда учителя в школе говорили, что я замечательная ученица, и когда я вступила в школьную команду по плаванию.

И когда мама была счастлива, Пейдж не могла продолжать их раздор, потому что мамино счастье было заразно. Я временами забываю, что у нас троих есть хорошие воспоминания в этой квартире. Ведь именно мама помогала начать нам с Пейдж вести наш кулинарный блог. Все вместе мы смотрели «Сплетницу» по вечерам. Я вспоминала эти моменты, думая о том, какой могла бы быть наша жизнь сейчас.

Но затем что-то еще вывело Пейдж из себя. Было ли дело в папином рейсе, который отменился из-за погодных условий, или у нее был плохой день в новой школе, – я понятия не имею: все произошло за тот крошечный промежуток времени, что я выносила мусор. Пейдж опять сделала что-то, что задело маму, и та ответила. Так наша квартира из Диснейленда превратилась в ад на земле.

Чего я до сих пор не могу понять, так это почему Пейдж переехала с нами в Нью-Йорк? Она могла остаться с папой в Нэшвилле, окончить школу вместе со своими друзьями, и тогда можно было бы избежать всего этого кошмара.

Если это все еще можно называть кошмаром, конечно. Прошло уже так много времени, что то, как подчеркнуто Пейдж игнорирует маму, стало уже чем-то привычным.

Будильник отключился, тем самым закончив мой маленький праздник жалости к себе. Я сонно потянулась за своим телефоном и увидела, что Волк так и не ответил мне. По непонятной причине мне на секунду подумалось, что он знал, чем я занималась весь вечер. Словно Вселенная решила наказать меня за пособничество мелочному поступку в социальной сети. Или ему просто надоело со мной общаться.

Или еще хуже – может, я сказала что-то, что выдало меня, теперь ему известна моя личность, и он разочарован.

У меня, определенно, паранойя. Он наверняка был занят. Может, он делал домашнее задание по математике, которое не выглядит так, словно его на ночь подвесили к работающему

потолочному вентилятору. Или что еще делают подростки, чьи родители не вовлекают их в твиттерские войны?

Хотя бы тема с хештегом закончена. Или, по крайней мере, *должна была* закончиться.

Только я закончила чистить зубы, как мама бесцеремонно ворвалась в ванную и сунула мне под нос свой телефон.

Это была фотография нового сырного тоста «От бабули с любовью» в обертке нашего ресторана в луже на тротуаре. «Я хорошо выгляжу? #ПрожаркаОтВЛБ», – было написано в твите. Его опубликовал аккаунт кулинарии «Мамины тосты» несколько минут назад.

– У тебя есть минута?

Мама уже была при параде: на ней было черное шелковое платье и черные колготки, на шее красовалось ожерелье с камнями морского цвета, которое сочеталось по цвету с ботинками. Волосы уже были уложены, а макияж, как всегда, безупречен. Взглянув на наши отражения в зеркале, я пришла к выводу, что по сравнению с ней я выгляжу так, словно только что выползла из склепа.

– Тэффи не может с этим сама разобраться?

– У Тэффи рабочий день с девяти, тем более она не сможет ответить на твит так, как это получается у тебя.

Я вернула маме телефон и сплюнула зубную пасту в раковину.

– Мама. Рецепты правда очень похожи.

– Потому что это *сырные тосты*. Не будь дурочкой.

Но это вовсе не дурость. Может, конечно, случиться так, что рецепты окажутся одинаковыми: хлеб на закваске с мюнстером, чеддером, яблочным джемом и медовой горчицей, – но ВЛБ запустила их с тем же названием, что и кулинария. Любому адвокату по защите авторского права достаточно просто взглянуть на это, если нам не повезет и кулинария решит подать на нас в суд.

– У кого вообще возникла эта идея? Кто бы это ни был, думаю, тебе следует обсудить сложившуюся ситуацию с ней или с ним.

Мама прикусила щеку изнутри.

– Ты права. Я так и сделаю. Но сначала давай решим, что ответить на этот твит.

Я покачала головой.

– Акция закончилась. Она была однодневной. Будет странно, если мы продолжим.

– Это займет всего две минуты.

Две минуты, чтобы придумать ответ, верно, но затем последует целый час бесконтрольной проверки «Твиттера» на предмет реакции публики и целый день ощущения непонятного чувства вины, а затем мама попросит написать еще больше твитов, которые «займут всего две минуты», и все пойдет по кругу. Я уже собиралась сказать ей это, но она опередила меня:

– И если увидишь Лэндона сегодня, пригласишь его на обед? У нас с его отцом запланирована встреча у нас дома, когда он вернется из Японии, поэтому было бы здорово, если бы Лэндон смог к нам присоединиться.

У меня чуть не отпала челюсть.

– Лэндон не может прийти сюда.

Только не *здесь*, он не может увидеть мою ярко-розовую спальню и развешанные по квартире постеры с меню «Высшей лиги бургеров», которые мама как-то притащила домой. Не *здесь*, где у меня будет гораздо больше места и времени, чтобы опозориться перед Лэндонам.

– Это будет отличный опыт для вас. Вы оба сможете побывать на настоящих деловых переговорах. – Мама приподняла брови и заговорщицки посмотрела на меня. – Для твоей будущей работы это необходимо.

Прежде чем я успела возразить ей, ее каблуки зацокали по коридору, брякнули ключи, и мама покинула квартиру.

Я не стала мгновенно публиковать твит. Мой маленький бунт не имеет никакого значения, но этого достаточно, чтобы подействовать мне на нервы. Я не стала торопиться, решила сначала собраться с духом, но на это ушло столько времени, что я уже не успевала поджарить себе тост, поэтому в итоге вытащила из холодильника остатки монстроторта, чтобы съесть его по пути в школу.

Я заметила, что кусочка не хватает, и улыбнулась, несмотря на упавшее настроение. Хотя что-то в этой жизни не меняется.

Пеппер

Я вышла на Парк Авеню, перед этим кивнув консьержу, и зашла в аккаунт нашей сети ресторанов со своего телефона. Если честно, отвечать на эту колкость очень глупо с нашей стороны. Мы и так ходили по лезвию, отвечая на предыдущий твит. Но я либо публикую его сейчас, либо получаю тонну сообщений от Тэффи позднее.

Высшая лига бургеров @B1gLeagueBurger

В ответ @GCheesing

ОМГ! Наконец-то! Теперь публика знает, какой ~секретный ингредиент~ ваша бабуля добавляет в сырные тосты. Спасибо за совет от про, ребята, но мы воздержимся

7:03 AM · 21 окт. 2020

Я все еще была в полусонном состоянии, когда добралась до класса, но не настолько сонная, чтобы не заметить, как Джек и Итан переругиваются в углу громким шепотом. Я села за парту, но в помещении было довольно-таки пусто, так что не услышать их было трудно.

- ...*прибьет* меня. Он думает, я опубликовал эту тупую фотографию.
- И что? Я скажу, что это был я. Мне все равно. Не такая уж это и проблема.
- Он уже настроил мне сообщений семь. Он же сказал нам забить на это...
- Тебе надо было увидеть, что эти уроды ответили нам...
- Я *видал*. Я посмотрел и вышел.

Я открыла «Визл», думая, что они обсуждают что-то из общего чата. Последним сообщением было исправление грамматических ошибок, которые одна девочка допустила в своем граффити. Ни одной картинки, которую могли бы опубликовать Кэмпбеллы или из-за которой они могли начать враждовать, что само по себе странно: я никогда прежде не видела их ссорящимися.

– Просто забудь об этом, – пробормотал Джек, после пошел и уселся на место прямо рядом со мной, как это было вчера.

Я не знала, стоит мне говорить что-нибудь или нет. Прикинуться, что я ничего не слышала, невозможно, потому что, кроме нас троих, в помещении практически не было других людей. По крайней мере, так было, пока Итан не пробурчал что-то себе под нос и не вышел из класса.

На мгновение воцарилась тишина, но, зная Джека, я была уверена, что это ненадолго.

- У тебя есть брат или сестра? – спросил Джек.

Джек казался более взвинченным, чем обычно: он ерзал на стуле и тихонько барабанил костяшками пальцев по столу.

- Есть. Старшая сестра.

Джек кивнул. Он открыл рот, чтобы что-то спросить, но затем задумался.

Я вытащила из рюкзака свой монстроторт, немного помятый из-за того, что я несла его в фольге, и предложила кусочек Джеку. Он поднял брови, непонимающе посмотрев на меня, словно я протягивала ему живую рыбу.

– Он не отравлен.

Он взял предложенный кусочек и осмотрел его. Несколько крошек упало на стол.

– Что это?

Я на мгновение замешкалась. Я никогда прежде не обсуждала эту десертную смесь ни с кем, кроме родителей и Пейдж. Я не знала, будет ли это предательством, если я поделюсь этим тортом с кем-нибудь на стороне.

– Монстроторт.

– *Монстроторт?*

Его губы растянулись в веселой усмешке, затем он снова поднял кусочек и стал рассматривать его. Я решила, что могу рассказать ему.

– Это смесь всех сладких закусок, которые известны человечеству, запеченная в виде торта. Отсюда и название.

Джек немного откусил от торта.

– Вот *дерьмо*.

Мое лицо зарделось. Люди стали заходить в класс как раз в тот момент, когда Джек растянулся на своем стуле и застонал.

– Джек, – прошипела я.

– Это лучшее, что я когда-либо пробовал.

Я не понимала, он смеется надо мной или нет, но в любом случае в его словах был смысл. Я завернула остатки торта и убрала обратно в рюкзак.

– Серьезно, это *бесподобно*. Как ты вообще до такого додумалась?

– Это просто... То есть это не... Мы были маленькими, когда придумали этот торт.

Джек облизал пальцы. Я уставилась в свой ноутбук – все мое лицо горело, губы растянулись в бесконтрольной улыбке. В последнее время я никак не успевала публиковать новые посты в нашем кулинарном блоге, так что успела забыть, каково это, когда кто-то пробует приготовленный мной сомнительный десерт и наслаждается им. Обычно люди с разных уголков интернета просто оставляют комментарии к публикациям, в которых говорится, что они опробовали мой рецепт. Бывает, Пейдж одобрительно мычит, когда нам удастся собраться вместе и попробовать десерты.

Но получить такую реакцию лично, да еще и от постороннего человека... это совсем другое чувство.

– У меня такое чувство, словно подлетел слишком близко к десертному солнцу. Я никогда прежде не пробовал ничего столь восхитительного. У моих родителей, кстати...

– Мистер Кэмпбелл, если у вас хватает наглости есть в моем кабинете, пожалуйста, будьте добры не превращать мой пол в вашу салфетку.

Я с трудом сдержала смех, замаскировав его под кашель. Как только миссис Фэрчайлд повернулась обратно к доске, Джек наклонился ко мне и подмигнул.

Я закатила глаза, и в тот же момент в кабинет вошел его друг Пол, бормочущий о том, что что-то стряслось в «Визле». Он просто счастливчик, что миссис Фэрчайлд плохо слышит или же очень хорошо притворяется, что плохо слышит, потому что в противном случае он был бы уже в кабинете Ракера и получал свое наказание. Кроме того, здесь полно крыс – так много, что мне хватает ума не заходить в «Визл», пока я в школе.

Ладно. Может, только иногда. Но я стараюсь этого не делать, потому что, кем бы Волк ни был, отвечает во время уроков он очень быстро, поэтому я переживаю за него и не хочу доставить ему неприятности.

И хотя Джек и подозревал меня вчера в том, что я закладываю учеников Ракеру, на самом деле это один из моих худших кошмаров. Если Волк попал в неприятности и по этой причине не может зайти в «Визл», я не знаю, что мне делать. Меня пугает то, как быстро он из незнакомца превратился в – не побоюсь этого слова – моего самого лучшего друга, который у меня когда-либо был, не считая Пейдж, конечно. Мы с ним на одной волне, а самое главное – мы чувствуем себя лишними в этом месте.

Лучшим вариантом развития событий был бы тот, где Волк оказался бы очень занят. Кто-то вроде Итана – человек из студсовета. Или кто-то, у кого идет стажировка, и он появляется в школе на пару часов в день, как...

Хах. Кто-то вроде Лэндона.

К тому времени, как классный час закончился, у меня уже урчало в животе от голода. Я достала монстроторт настолько незаметно, насколько могла, надеясь закинуть кусочек себе в рот, когда открою шкафчик, но, стоило мне ввести код, как я почувствовала за собой хвост. Каким-то образом Джеку удалось пройти за мной через толпу в коридоре, прихватив с собой своего друга Пола.

– Можно еще один кусочек?

Я усмехнулась в дверцу моего шкафчика, чтобы он не смог этого увидеть.

– Ты звучишь как зависимый.

– Возможно, я им и стал, но это твоя вина. Так что ответственность по снабжению меня монстротортом лежит целиком и полностью на тебе. Или мне придется отправиться на реабилитацию.

– О чем вы говорите? – спросил Пол, встав на цыпочки, чтобы заглянуть в мой шкафчик, хотя мы с ним и были одного роста.

Я отломил еще один кусочек для Джека, а затем в порыве щедрости еще один для Пола. Мне стоило оставаться в хороших отношениях с как можно большим количеством членов команды по прыжкам в воду, раз уж нам придется делить дорожки.

– Боже мой. Ты теперь мой самый любимый человек во Вселенной.

Джек пихнул его локтем.

– Как тебя легко купить.

Пол отсалютовал нам.

– Направляюсь на стажировку.

Я застыла с куском торта в руке. Видимо, Лэндон не *единственный* человек, который периодически пропускает школу.

Я попыталась представить это. Пол просыпается поздно ночью от мигания экрана телефона, пишет мне глупые шуточки о «Больших надеждах», смеется со мной о нашей без конца курящей учительнице физкультуры, которая постоянно проводит нам лекции о вреде курения. Рассказывает мне о своей семье, выслушивает мои проблемы.

– Наша встреча после тренировки все еще в силе?

Мне это не кажется правильным, но в этом и проблема – я не могу представить кого-либо в роли Волка. Словно у меня есть какой-то ментальный блок, мешающий мне каждый раз, когда я пытаюсь представить его лицо. Временами мне кажется, что он скорее некое бестелесное существо, чем человек.

А иногда – как, например, вчера, когда он был расстроен из-за проблем с родителями, – он кажется настолько реальным, словно мы сидим где-нибудь в уголке настолько близко, что я буквально могу к нему прикоснуться.

Я моргнула и уставилась на Джека, мысленно проигрывая то, что он сказал пару секунд назад.

– А? Ой. Да, все в силе.

– Итан сказал, ваш тренер отправила тебе календарь с запланированными сборами. Если не возражаешь, я бы хотел его посмотреть.

– О, конечно. – Я оглянулась вокруг, чтобы проверить, что в коридоре чисто, и затем открыла календарь на телефоне и протянула Джеку. – Можешь сам себе перекинуть.

Джек замешкался на секунду, пытаясь удержать оба телефона одновременно.

– У тебя экран погас.

Мои руки были слишком заняты тем, чтобы завернуть остатки торта обратно в фольгу.

– Пароль – «1234». – Папа установил нам пароли на телефоны, когда мы купили новые месяц назад, и единственной причиной, по которой я назвала пароль Джеку, заключалась в том, что я собиралась сменить его, как только появится время.

Джек присвистнул.

– Ты сама подумай, это же все равно что оставлять ключи под ковриком.

Он протянул мне мой телефон обратно, затем прозвенел первый звонок. Джек помахал мне рукой и пошел в направлении класса, оставляя за собой дорожку из крошек от монстроторта.

Пеппер

Следующие несколько часов я провела в бесплодных попытках игнорировать сообщения от мамы и Тэффи. После звонка я ненадолго задержалась в раздевалке, пытаюсь выстроить последовательность произошедших в «Твиттере» событий. Началось все с того, что аккаунт «Сырных тостов» – который теперь насчитывает двенадцать тысяч подписчиков, что гораздо больше, чем вчерашнее трехзначное количество, – ответил на мой утренний твит очень быстро.

Мамины тосты @GCheesing

В ответ @BlgLeagueBurger

Все еще вкуснее, чем ваша жалкая копия

7:17 AM · 21 окт. 2020

Возможно, на этом история могла бы и закончиться: никто не просил меня отвечать на этот твит. Мама могла бы сказать Тэффи проигнорировать его, и все мы могли бы продолжить жить своей жизнью и, возможно, разобраться в претензионном суде, как взрослые люди, а не в «Твиттере».

Но в игру вступила Жасмин Ян, известная блогерша и ведущая шоу на «Ютьюбе» под названием «Разборки по-твиттерски». Она записала трехминутное видео и опубликовала примерно за час до того, как у меня закончились уроки. В нем она разбирает несколько твитов на тему нашего спора, в том числе и кошмар моих последних двадцати четырех часов.

– Думаю, вполне можно сказать, что эти два аккаунта *сплавлены* друг с другом. И кто же возьмет верх, мои любимые подписчики? – спросила она в конце видео с наглой ухмылкой на лице. – Команда «Сырных тостов» или команда «Высшей лиги»? Оставляйте свои ответы в комментариях. Лично я уже знаю, кому отдам *свой* голос.

В видео появился скриншот ее ответа на твит «Высшей лиги бургеров», в котором она заглавными буквами написала «ПОВТОРЮШКИ» и добавила кучу эмодзи в виде хрюшек.

Каким-то образом за час между публикацией видео и окончанием моих уроков ее идея была перенята огромным количеством людей – сотни пользователей социальных сетей в каждый свой комментарий, отправленный нашему аккаунту, добавляли эту эмодзи.

Это было бы даже забавно, если бы я была кем-нибудь другим. Но так уж вышло, что я оказалась человеком, который будет привязан к своему телефону, пока не найдет решение сложившейся проблемы.

Я была настолько погружена в свои мысли, обдумывая свой следующий шаг, что даже не заметила стоявшего в холле спортивного зала директора Ракера, пока не услышала его гнусавый голос:

– Прошу прощения, мисс Сингх, что это я только что видел на экране вашего телефона?

Пуджа развернулась к нему спиной, но я видела ее лицо, вернее, заменившее его выражение ужаса. Я знала: это может означать только одно.

– Эм... это...

– Нет-нет, подайте его мне, я хочу взглянуть.

– Это телефон, который тренер Томпкинс нашел у бассейна?

Пуджа затаила дыхание, уставившись на меня широко раскрытыми глазами. У нее ушла секунда на то, чтобы уловить смысл моих слов, затем она кивнула.

– Мы пытаемся найти владельца этого телефона, – объяснила я Ракеру. Затем я повернулась обратно к Пудже. – Есть какие-нибудь зацепки?

Она протянула мне телефон – выражение лица было спокойным, но руки тряслись.

– Пока нет.

Ракер перевел взгляд на телефон в моих руках. Я старалась не дергаться, зная, что если экран телефона Пуджи загорится, то на заставке можно будет увидеть ее саму, позирующую с Рут Бейдер Гинзбург, что моментально ее выдаст.

– Мне показалось, что я видел на экране «Висл», – сказал Ракер.

– Да, – быстро сказала я, – поэтому мы и поняли, что владелец учится в Стоун Холле.

Пуджа кивнула.

– И мы обязательно скажем вам, чей это телефон, как только узнаем.

Я чувствовала, как его взгляд перескакивает с меня на Пуджу и обратно, пока он думает, стоит ли нам доверять. Но его взгляд – это ничто по сравнению со взглядом Пуджи, которая смотрит на меня так, словно ждет, что я могу в любой момент предать ее. Никто из нас никогда не играл грязно – по крайней мере, с первого года старшей школы точно, – но и доброжелательностью наше взаимодействие не отличалось.

Однако какой бы занозой в заднице Пуджа ни была, последнее, чего я хотела бы, так это того, чтобы она была поймана на такой глупости, как переписка в чате. На этом могла бы попасться и я, зайдя я проверить сообщения на несколько секунд раньше нее. Если я и превзойду ее в чем-то, я должна знать, что это будет чистая победа.

– Что ж, спасибо, девочки, за вашу ответственность. Если вам станет что-нибудь известно...

Я едва сдержала облеченный вздох.

– Вы об этом узнаете первым, – нагло соврала я.

Ракер кивнул и удалился, не очень ловко пытаясь вклиниться в группу первогодок из команды по прыжкам в воду, которые обходили его за километр. Я повернулась обратно к Пудже, ее лицо было белое как мел.

– Спасибо, – выдохнула она.

Я поправила рюкзак на плече.

– Да не за что.

– Серьезно... Ты только что спасла мою задницу. И еще как минимум дюжину других. Я как раз назначала время следующего группового занятия по подготовке к экзамену по истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.